Обольщение

Автор:
Аманда Квик

Обольщение

Аманда Квик

Шарм (АСТ)

Люди боялись мрачного Джулиана, графа Рейвенвуда, как огня, и прозвище его – Дьявол – шепотом передавалось из уст в уста. А еще тише рассказывали истории о загадочной гибели его жены, которая то ли утопилась, не снеся издевательств мужа, то ли и вовсе была им убита, – не исключено причем, что в уплату нечистому, с которым он заключил договор.

Естественно, что на новую невесту графа, чистую и невинную сельскую барышню Софи Дорринг, горожане заранее смотрели как на покойницу.

И очень зря – ведь у Софи имелись и серьезные основания сделаться графиней Рейвенвуд, и хитрый, до мелочей продуманный план по усмирению таинственного Дьявола, и даже более чем веские причины считать, что это чудовище в действительности лишь одинокий и очень несчастный человек, которого любовь может изменить до неузнаваемости.

Аманда Кавик

Обольщение

Amanda Quick

SEDUCTION

В оформлении использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Серия «Шарм» основана в 1994 году

© Jayne Ann Krentz, 1990

© Перевод. В. В. Копейко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Глава 1

Джулиан Ричард Синклер, граф Рейвенвуд, слушал и не верил услышанному: на официальное предложение руки и сердца он получил отказ. Он был взбешен. Что воображает о себе эта леди? К сожалению, спросить ее об этом он не мог. Леди предпочла исчезнуть, поручив своему деду отклонить столь великодушное предложение графа. Ее поверенный чувствовал себя явно не в своей тарелке.

– Черт побери, Рейвенвуд! Мне и самому ее решение не по душе. Моя внучка уже не желторотый цыпленок, только что из детской, – мрачным тоном рассуждал лорд Дорринг. – Вообще-то она весьма приятная девушка и обычно покладиста. Но она выросла. – Он удивленно пожал плечами. – Ей уже двадцать три, в конце концов. И в последнее время в ней стало заметно проявляться своенравие.

Иногда ее поведение меня совершенно обескураживает и раздражает, но ничего не поделаешь. Я уже не могу ей приказывать.

– Мне известен ее возраст, – сухо отвечал Джулиан. – Я как раз надеялся, что в ее-то возрасте девушка должна проявлять больше благоразумия и она сразу примет мое предложение.

– Да она вообще-то разумная, – пролепетал лорд Дорринг. – Вполне разумная, и не подумайте, что она какая-нибудь глупенькая, легкомысленная, истеричная девица. – Румяное лицо лорда, обрамленное бакенбардами, вспыхнуло от смущения. – Моя внучка спокойного и веселого нрава, вполне может служить прекрасным образцом женской скромности и добродетели…

– «Женской скромности и добродетели…» – эхом отозвался Джулиан.

Лорд Дорринг просиял:

– Совершенно верно, милорд. Женской скромности и добродетели. После того как утонули в море ее родители – наш младший сын и его жена, она с сестрой переехала к нам. Софи тогда исполнилось семнадцать. С тех пор она лучшая помощница бабушке. Я думал, вы запомнили ее. – Лорд Дорринг откашлялся. – Или вы тогда не обратили внимания на Софи? Вы, конечно, были заняты… гм… другими делами…

«Другие дела… Лорд Дорринг прибегнул к вежливому эвфемизму, чтобы не называть своими именами мою очевидную глупость: я попался в сети, расставленные красивой ведьмой по имени Элизабет, и запутался в них, как беспомощный птенец», – подумал про себя Джулиан.

– Если ваша внучка, как вы утверждаете, образец всех достоинств, Дорринг, почему вам не удалось убедить ее принять мое предложение?

– Да, я сам виноват, – быстро закивал он, – по крайней мере так утверждает ее бабушка. – Кустистые брови старика сошлись на переносице. – Боюсь, я разрешил ей слишком много читать. И как говорят мне теперь – совсем не те книги, какие нужны молодой леди. Но разве кто посмеет диктовать Софи, что можно читать, а что нельзя? Я даже не могу вообразить, чтобы кому-нибудь удалось ей что-то запретить. Еще немного вина, Рейвенвуд?

– Спасибо. Пожалуй, не помешает пропустить еще стаканчик.

Джулиан взглянул на раскрасневшегося хозяина и заставил себя говорить спокойно:

– Признаюсь, я не очень понимаю, Дорринг, какое отношение имеет чтение к нашему делу?

– Я не следил за тем, что она читает, – пробормотал лорд Дорринг и залпом выпил вино. – Молодые женщины набираются из книг всяких глупых идей, читая все без разбору. После того как умерла ее сестра три года назад, я многое ей позволяю. Мы с женой обожаем Софи. Она действительно очень умная девушка. Никак не пойму, почему ей взбрело в голову отказать вам? Я уверен, если бы вы дали ей время на раздумье, она переменила бы свое мнение.

– Время на раздумье? – Брови Рейвенвуда поднялись, и в голосе прозвучал неприкрытый сарказм.

– А разве вы не торопите события? Даже моя жена так считает. Мы, деревенские, предпочитаем не спешить в подобных делах. Не то что в городе, смею заметить. Очаровательные головки женщин, даже вполне здравомыслящие, забиты романтическими мечтами, у них свои представления о том, как джентльмен должен делать девушке предложение. Цветы, комплименты… – Лорд Дорринг посмотрел на гостя с некоторой надеждой. – И если бы вы дали Софи еще несколько дней, чтобы обдумать ваше предложение…

– Я бы сам хотел поговорить с мисс Дорринг, – решительно заявил Джулиан.

– Но я же вам все объяснил. Сейчас это невозможно: ее нет – по средам она навещает старую Бесс.

– Да-да. Но ведь Софи знала, что мой визит назначен на три часа дня?

Лорд Дорринг снова прокашлялся:

– Я, конечно, сообщил об этом Софи, но она, видимо, пропустила мои слова мимо ушей. Вы же знаете этих молоденьких женщин. – Старик посмотрел на часы. –

Она будет дома в половине пятого.

– К сожалению, я не могу ждать. – Джулиан поставил бокал и поднялся. – Пожалуйста, сообщите вашей внучке, что я не отношусь к числу терпеливых мужчин. Я очень надеялся, что сегодня мы уладим вопрос с женитьбой.

– Мне кажется, Софи считает дело решенным, милорд, – печально отозвался лорд Дорринг.

– Будьте так любезны сообщить ей, что я не считаю дело решенным. Я заеду еще раз – завтра в это же время. Я буду весьма признателен, Дорринг, если вы потрудитесь напомнить Софи о моем визите. Я хочу побеседовать с ней лично.

– Конечно, конечно, Рейвенвуд, однако обязан вас предупредить: она уезжает из дома когда вздумается. Временами она бывает очень упрямой.

– Тогда мне остается лишь надеяться, что вы проявите немного собственной воли. Она же ваша внучка, в конце концов. И если есть необходимость натянуть вожжи, так почему бы этого не сделать?

– Бог мой! – воскликнул Дорринг. – По-вашему, так легко повлиять на Софи?!

Джулиан направился к двери через маленькую обшарпанную библиотеку и вышел в узкий темный холл. Дворецкий, чья ливрея вполне гармонировала с поблекшим и обветшалым, давно забывшим лучшие времена старым имением, вручил ему высокую касторовую шляпу и перчатки.

Джулиан резко кивнул и быстро проследовал мимо пожилого слуги. Каблуки блестящих ботфортов глухо простучали по каменному полу. Он уже пожалел, что потратил столько времени, переодеваясь в официальный костюм для совершенно бесплодного визита. Лучше бы он поехал в Чесли-Корт верхом, а не в этой карете. Зря только потратил столько усилий, чтобы придать своему визиту официальный характер. И будь он верхом, на обратном пути заехал бы к арендатору одного из коттеджей. По крайней мере день не пропал бы даром.

– Домой! – бросил он, когда ему открыли дверцу кареты.

Кучер в рейвенвудской ливрее, зеленой с золотом, дотронулся до шляпы, что означало: приказ ясен.

Прекрасная упряжка гнедых рванула с места, едва только щелкнул кнут и хлопнула дверца кареты. Граф Рейвенвуд сегодня не в настроении раскатывать по сельским дорогам.

Джулиан откинулся на подушки, вытянул ноги и скрестил руки на груди. Он попытался сдержать нетерпение, хотя задача была не из легких.

У него и мысли не возникало, что его предложение кем-то будет отклонено. Мисс Софи Дорринг, черт ее побери, не может и мечтать о чем-то лучшем. Все заинтересованные лица понимали это.

Лорд Дорринг и его жена едва не лишились сознания, когда несколько дней назад Джулиан попросил руки их внучки. Они прекрасно отдавали себе отчет, что Софи давно уже миновала тот возраст, когда девушке делают столь выгодное предложение. Граф был прямо-таки подарком судьбы, посланным провидением.

Губы Джулиана насмешливо скривились, когда он представил себе сцену: Софи сообщает своим воспитателям о намерении отклонить предложение графа. Лорд Дорринг явно растерялся, лихорадочно соображая, как выпутаться из ситуации, а лицо мадам наверняка пошло пятнами. Их начитанная внучка нанесла им сокрушительный удар.

Но весь вопрос в том, почему эта дурочка так повела себя. Она должна была кинуться Джулиану на шею, услышав такое предложение. Он ведь собирался поселить ее в Рейвенвудском аббатстве, сделать графиней Рейвенвуд. Девица двадцати трех лет, воспитанная в деревне, со скромным приданым, с весьма посредственной внешностью, вряд ли могла рассчитывать на что-то большее. Джулиан мимоходом подумал: а что за книги читает Софи? Впрочем, не так это важно.

Дедушка явно потакает прихотям внучки. Вот в чем дело. Женщина моментально начинает пользоваться слабостями мужчин, стоит только проявить их.

Однако возраст Софи играл не последнюю роль в выборе Джулиана. Он уже был однажды женат на молодой взбалмошной девице, с него довольно. Воспоминаний о сценах, вспышках ярости и истериках Элизабет ему хватит до конца жизни. Поэтому он решил выбрать взрослую и уравновешенную женщину. И менее требовательную. И благодарную.

К тому же у Софи в деревне, казалось Джулиану, нет большого выбора женихов. Сомнительно, что и в городе она пользовалась успехом. Она не из таких леди, кто притягивает к себе пресыщенных светских львов, считающих себя знатоками женщин и ценителями лошадей. И, увидев ее однажды, они бы не удостоили ее более взглядом.

Софи не была ни жгучей черноволосой красавицей, ни милой голубоглазой ангелоподобной блондинкой, которые пользовались бешеным успехом у мужчин. Ее каштановые приятного оттенка локоны были столь же своенравны, как и сама хозяйка. Кольца волос постоянно выбивались из-под шляпы и стремились покинуть старательно уложенную прическу.

Она даже отдаленно не напоминала греческую богиню – образ, который вошел в моду в Лондоне. Но Джулиан ничего не имел против вздернутого носика Софи, мягкой округлости ее подбородка и теплой улыбки. Так что ему, желавшему поскорее получить наследника, будет совсем не обременительно почаще оказываться с ней в постели.

Он не мог не восхищаться прекрасными глазами Софи – удивительного, необычного бирюзового цвета с золотыми искорками. И самое замечательное, привлекавшее его в ней больше всего, – обладательница столь прекрасных глаз понятия не имела, как их использовать для флирта.

Вместо того чтобы бросать кокетливые взгляды из-под ресниц, Софи смотрела в глаза мужчине открыто и честно. Такая манера убеждала Джулиана, что Софи вряд ли удастся освоить виртуозное искусство обмана. И это его вполне устраивало. Попытка узнать истину, скрывавшуюся за милой ложью Элизабет, однажды чуть не свела его с ума. Софи была изящна, модные платья с завышенной талией шли ей, хотя и подчеркивали, что ее грудь не столь высока. Однако от Софи веяло здоровьем – качество, которое Джулиан очень ценил. Зачем ему болезненная жена? Хрупкие женщины трудно рожают.

Джулиан, мысленно рассматривая свою избранницу, понял, что в основном он довольно верно оценил ее физические качества, но в то же время, судя по всему, не принял во внимание некоторые особенности ее характера.

Например, он никогда бы не догадался, что за простотой и скромностью обнаружится своенравие и чрезмерная гордость. Вероятно, именно гордость помешала Софи проявить хотя бы элементарную благодарность. И ее своенравие оказалось сильнее, чем можно было ожидать. Ее бабушка и дедушка пребывают в растерянности и совершенно беспомощны перед непредвиденным отказом внучки. И спасать положение следует самому, ни на кого не надеясь.

Джулиан принял решение, когда карета с грохотом остановилась перед импозантным въездом в аббатство Рейвенвуд. К парадному входу в дом вели две лестницы, словно две клешни огромного рака. Граф выбрался из экипажа и, поднимаясь по каменным ступеням, негромко и спокойно отдавал приказы:

– Пошлите кого-нибудь в конюшни, Джессап. Я хочу, чтобы через двадцать минут мне оседлали вороного жеребца.

– Слушаю, милорд.

Дворецкий удалился, чтобы передать указание лакею, а Джулиан прошел через холл, громко стуча каблуками по черно-белому мрамору, затем поднялся по лестнице, покрытой тяжелым плотным ковром.

Джулиан не обращал внимания на окружавшее его великолепие: он здесь вырос, все ему было привычно, и он мало заботился об аббатстве после женитьбы на Элизабет. Когда-то он гордился своим домом. Гордился и принадлежавшими ему плодородными землями. Теперь же чувствовал лишь смутную неприязнь к своему родовому гнезду. Время от времени ему приходила в голову навязчивая мысль: не в этой ли комнате ему наставляли рога.

Земля – другое дело. Ни одна женщина не способна запятнать репутацию прекрасных плодородных полей Рейвенвуда или других его имений. Мужчина может положиться на землю, если будет о ней заботиться. Она не предаст и не оставит его без награды. Сохранить земли для будущих графов Рейвенвудов – ради такой цели Джулиан мог пойти на самую большую жертву. Он готов был снова жениться в надежде, что при другой жене в аббатстве не останется и

следа от Элизабет, особенно в чрезвычайно роскошной, экзотически чувственной спальне, которую она здесь устроила. Джулиан ненавидел эту комнату и ни разу со дня смерти Элизабет не переступал ее порога.

Не вызывает сомнений одно, говорил он себе, поднимаясь по лестнице: никогда больше он не повторит ошибки, которые совершил в первом браке; никогда больше не окажется мухой, попавшей в паутину.

Через четверть часа Джулиан в костюме для верховой езды уже спускался по лестнице. Он ничуть не удивился, обнаружив уже оседланного вороного жеребца по кличке Ангел. Он воспринял это как должное. Каждый в доме старался предупредить любое желание хозяина Рейвенвуда. И никто в здравом уме не захотел бы совершить промах, способный пробудить гнев дьявола.

Джулиан вскочил в седло, и конюх быстро отступил назад: жеребец вздернул голову, нетерпеливо перебирая копытами. Мощные мускулы перекатывались под глянцевой кожей, но Джулиан твердой рукой успокоил животное. Потом пришпорил коня, и тот рванулся вперед.

Ему не составит труда перехватить мисс Софи Дорринг на пути в Чесли-Корт, думал Джулиан. Он знал каждый дюйм своих владений и догадался, что встретит ее на берегу: желая сократить путь, она наверняка поедет через его земли по тропинке, огибающей пруд.

– Он когда-нибудь убьется на этом жеребце, – бросил слуга конюху, своему двоюродному брату.

Конюх сплюнул на гравий.

– Его светлость верхом на Ангеле ничем не рискует. Ездит, как сам дьявол. Не знаешь, надолго он сюда на этот раз?

– На кухне говорят, что граф решил подыскать себе жену. И будто бы положил глаз на внучку лорда Дорринга. Его светлость мечтает о спокойной деревенской девушке. Такой, чтобы не доставляла хлопот.

– Его за это не осудишь. На месте графа я бы тоже так поступил, после той-то ведьмы.

– Кухарка Мегги божится, что первая жена графа была настоящей ведьмой, которая превратила его светлость в дьявола.

– Если Мегги говорит, значит, так оно и есть. А я же тебе скажу, что очень сочувствую мисс Дорринг. Она хорошая. Помнишь, зимой она лечила своими травами мою матушку от простуды? Матушка клянется, что, если бы не мисс Дорринг, она сошла бы в могилу.

– Зато мисс Дорринг станет графиней, – заметил слуга.

– Оно конечно, но ей придется слишком дорого заплатить за честь быть женой дьявола.

Софи, пристроившись на скамейке перед домиком старой Бесс, тщательно укладывала в мешочек сухой пажитник. Потом занялась пучком только что собранных трав. Домашние запасы чеснока, чертополоха, паслена и мака быстро истощались.

– Ну вот, этого мне хватит месяца на два, Бесс, – объявила она, поднимаясь и отряхивая руки.

Она не обратила внимания, что на блекло-синей юбке, в которой она обычно отправлялась верхом, осталось пятно от свежих трав.

– Осторожнее заваривай головки мака, когда будешь готовить чай от ревматизма для леди Дорринг, – предупредила Бесс. – Нынче мак очень сильный.

Софи кивнула сморщенной старой женщине, научившей ее разбираться в травах.

– Я постараюсь. А как твои дела? Может, нужно что-нибудь?

– Ничего, детка. Ничего. – Бесс окинула взглядом свой домик, огород, засеянный травами, спокойно вытерла руки о фартук. – У меня все есть.

– Ты всегда так говоришь. Тебе повезло, что ты довольна своей жизнью, Бесс.

– Придет время, и ты тоже успокоишься. Если, конечно, сама того захочешь.

Лицо Софи стало серьезным.

– Может быть. Но сначала мне предстоит кое-что сделать.

Выцветшие глаза Бесс с сожалением и пониманием посмотрели на девушку.

– Я думала, ты уже отказалась от мести, детка, и наконец оставила в прошлом все, что там и должно остаться.

– Все меняется, Бесс. – Софи завернула за угол маленького, крытого соломой домика, где стоял ее мерин. – У меня появилась возможность добиться торжества справедливости.

– Если у тебя есть хоть какой-то здравый смысл, послушай моего совета: забудь все, детка. Что сделано, то сделано. Твоя сестра – упокой Господи ее душу! – умерла. И ты ее не вернешь. У тебя своя жизнь, и лучше заняться ею. – Губы Бесс раздвинулись в беззубой улыбке. – Я слышала, на днях тебе предстоит принять важное решение.

Софи быстро посмотрела на старуху, машинально пытаясь поправить сбившуюся набок шляпу для верховой езды.

– Тебе всегда обо всем известно. По слухам, сам дьявол сделал мне предложение выйти за него замуж.

– Люди, которые называют лорда Рейвенвуда дьяволом, – самые настоящие сплетники. А меня интересует только правда. Итак, он сделал предложение?

– По-моему, правда заключается в том, что он связан с Люцифером. Я почти уверена в этом. Никогда в жизни я не встречала более надменного человека, чем

его светлость. Этакая гордость может распирать только самого дьявола.

Бесс нетерпеливо покачала головой:

– Я о другом. Значит, он сделал тебе предложение?

– Да.

– Ну? И когда ты должна дать ответ?

Софи пожала плечами и отказалась от дальнейших попыток поправить шляпку на голове. Шляпки никогда на ней не держались.

– Дедушка должен встретиться с ним сегодня днем. Граф послал записку, что в три часа заедет за ответом.

Бесс резко остановилась на выложенной камнем дорожке. Седые букли выбились из-под желтого муслинового чепца. Ее морщинистое лицо выразило удивление.

– Сегодня? А ты тут возишься с травами? Точно сегодня обычный день? Что за вздор, детка? Ты должна быть в Чесли-Корт, одетая в свое лучшее платье.

– Зачем? Нет совершенно никакой необходимости. Дедушка в состоянии сказать дьяволу, чтобы он убирался в свой ад.

– Сказать дьяволу, чтобы он убирался в свой ад? Софи, ты велела отказать графу?

Софи мрачно улыбнулась. Она остановилась рядом с мерином.

– Ты все правильно поняла, Бесс. – Она рассовала мешочки с травами по карманам.

– Что за вздор?! – не унималась Бесс. – Невозможно поверить, чтобы лорд Дорринг оказался настолько бестолковым. Он же знает, что тебе никогда

больше не сделают лучшего предложения, проживи ты еще хоть сто лет.

– А я в этом не уверена, – усмехнулась Софи. – Хотя, конечно, все зависит от того, что считать хорошим предложением.

Бесс пристально посмотрела на нее:

– Дитя, ты боишься графа? Я думала, у тебя хватает ума не верить слухам, которые рассказывают деревенские кумушки.

– А я им и не верю, – сказала Софи, устраиваясь в седле. – Ну разве что наполовину. Тебе так спокойнее, Бесс?

Софи подоткнула подол юбки вокруг ног. Она ездила верхом по-мужски, что считалось для женщины неприличным, но в деревне люди снисходительно относились к ее привычке. В любом случае Софи была уверена, что она сидит на лошади достаточно скромно, показывая миру только коричневые ботиночки.

Бесс ухватилась за поводья:

– Так вот, девочка, не верь никаким сказкам вроде того, что его светлость утопил свою первую жену в пруду. Хорошо?

Софи вздохнула:

– Нет, Бесс, я не верю этому.

А если точнее, она не хотела этому верить.

– Слава Богу. Хотя сам Бог знает, что никто в округе не осудил бы графа, поступи он так с женой, – заявила Бесс.

– Да.

– Тогда почему? Из-за какой такой чепухи ты отказываешь его светлости? Мне не нравятся твои глаза, детка. Я уже видела их такими, и это не сулит ничего

хорошего. И что ты собираешься сейчас делать?

– Сейчас? Отправлюсь на старом Дансере в Чесли-Корт, а потом разберу травы, которые ты великодушно мне дала. Дедушку беспокоит подагра, а у меня как раз кончился его любимый отвар.

– Софи, дорогая моя. Ты действительно откажешь графу?

– Нет, – честно призналась Софи. – Так что не смотри на меня с ужасом. Если он проявит упорство, то в конце концов получит меня. Но только на моих условиях.

Глаза Бесс округлились.

– А, теперь понимаю. Ты снова взялась за книжки о правах женщин. Не дури, дитя. Послушайся совета старой Бесс: не играй с Рейвенвудом. Он не из тех, кто ходит на поводу. Можно обвести вокруг пальца лорда Дорринга, но граф – человек другого замеса.

– Конечно, он совсем не похож на дедушку. Но постарайся не беспокоиться обо мне. Я знаю, что делаю. – Софи взяла поводья и каблуком тронула Дансера.

– Нет, детка, я как раз в этом не уверена! – крикнула ей вслед Бесс. – Не дразни дьявола. Не надейся, что ты останешься цела и невредима!

– Кажется, ты убеждала меня, что Рейвенвуд не дьявол, – бросила через плечо Софи, когда Дансер перешел на крупную рысь.

Она помахала Бесс рукой, и конь поскакал в гущу леса. Дансер не нуждался в указаниях наездницы: за последние годы он хорошо изучил эту дорогу и помнил, что ближе всего до Чесли-Корта через земли Рейвенвуда.

Софи опустила поводья на шею Дансера, пытаясь представить себе сцену, которая, несомненно, разыграется по ее возвращении в Чесли-Корт.

Бабушка с дедушкой наверняка очень расстроены: леди Дорринг утром слегла в постель и принимает соль и тоники; лорд Дорринг, которому предстояло встретиться лицом к лицу с Рейвенвудом, скорее всего находит успокоение в

бутылке кларета. А лакеи маленького дома молчаливы и угрюмы, поскольку им выгоден удачный брак Софи, иначе у старых слуг не будет никакой надежды на пенсию.

Никто в доме, похоже, не в силах понять упрямства Софи. Слухи, домыслы, мрачные истории… Если это не учитывать, то он хорошая партия: граф – солидный, богатый и знатный человек. В его собственности большая часть земель здесь, в Хэмпшире, два имения поменьше в соседних графствах и роскошный дом в Лондоне.

Кроме того, всем известно, что Рейвенвуд прекрасно управляет всеми своими землями, честен с арендаторами и слугами. А это ценилось здесь в первую очередь. Все, кто зависел от графа и был достаточно благоразумен, чтобы ему не противоречить, чувствовали себя на его землях хорошо.

У Рейвенвуда, конечно, есть свои недостатки, никто этого не отрицает, но он заботится о земле и людях на ней. Может, он и убил свою жену, но, однако, не сделал ничего поистине дурного – не промотал наследство в Лондоне, не проиграл его бездарно в карты.

«И почему бы им, спрашивается, хорошо не относиться к Рейвенвуду, – подумала Софи, – им же не грозит выйти за него замуж и остаться с ним наедине».

Взгляд Софи – как обычно, когда она ездила по этой дорожке, – был прикован к темным холодным водам Рейвенвудского пруда, мелькавшего в просветах между деревьями. На поверхности еще плавали льдинки. Пруд был очень глубокий. На берегу кое-где виднелся нерастаявший снег, и воздух был по-зимнему холодным. Софи поежилась, а Дансер внезапно беспокойно заржал. Софи наклонилась, протянула руку, собираясь успокоить коня, потрепав его по шее, но рука замерла на полпути. Холодный ветер гнул ветви над ее головой. Софи снова поежилась, но на этот раз не от весенней прохлады. Она выпрямилась в седле, завидев мужчину на черном как ночь жеребце. Он скакал ей навстречу через рощицу голых деревьев. Ее сердце забилось, как всегда в присутствии Рейвенвуда.

Хотя и не сразу, но Софи призналась себе: она знает, что это за дрожь. Что поделать, если в глубине души она хранит любовь к этому человеку еще с тех пор, как ей исполнилось восемнадцать. Именно тогда ее впервые представили

графу Рейвенвуду. Он, конечно, не помнит этого. Тогда он смотрел только на свою красивую ведьму – Элизабет.

Ее чувство к богатому графу Рейвенвуду было не просто увлечением молодой девушки первым мужчиной, поразившим ее воображение. Это увлечение не прошло само собой даже тогда, когда стало ясно, что у нее нет никаких шансов заинтересовать графа. За несколько лет ее чувство лишь окрепло, став глубоким и постоянным.

Софи влекли спокойная сила, врожденная гордость и целостность характера, которые она чувствовала в графе. Она тайно мечтала о нем, думала как о честном благородном человеке, совершенно забывая о его наследном титуле.

Когда ослепительная Элизабет весьма преуспела в том, чтобы преклонение мужа сменилось болью и яростью, Софи очень хотелось помочь Рейвенвуду, успокоить его. Но он был недосягаем: искал утешения на континенте, сражаясь под знаменами Веллингтона.

По возвращении графа стало понятно, что он спрятал свои чувства где-то глубоко внутри и со всей страстью и энергией, на которые только был способен, обратился к земле.

Вороной жеребец очень подходит ему, подумала Софи. Она слышала, что коня зовут Ангелом, и оценила чувство юмора Рейвенвуда.

Ангел, словно творение мрака, принадлежал человеку, предпочитавшему жить в тени. Граф в седле казался одним целым с великолепным конем. Рейвенвуд был гибким и сильным, его руки, большие и ловкие, без труда могли задушить жену, как поговаривали местные жители, пронеслось в голове Софи.

Рейвенвуд не нуждался в подкладных плечах, чтобы подчеркнуть их ширину. А бриджи для верховой езды обрисовывали его мускулистые бедра.

Он знает толк в одежде, рассуждала Софи, но во всем Лондоне не отыскать столь искусного портного, который нарядом сумел бы смягчить неумолимую суровость вечно угрюмого лица Рейвенвуда.

Его волосы были такие же черные, как шелковистая шерсть жеребца. Глаза светились зеленым демоническим светом. Говорили, что все Рейвенвуды рождались с глазами под цвет фамильных изумрудов.

Но глаза графа смущали Софи не только своим цветом. Ее тревожил его оценивающий взгляд. «Интересно, чего я стою в глазах его светлости?» – спрашивала себя Софи.

Она натянула поводья, поправила перо на шляпе, спадавшее на глаза, и попыталась изобразить доброжелательную улыбку:

– Добрый день, милорд. Какая неожиданная встреча в лесу.

Вороной жеребец резко остановился в нескольких футах от Дансера. Рейвенвуд секунду молчал, изучая вежливую улыбку Софи. Но не поддержал предложенного светского тона.

– А что именно вы считаете удивительным в такой встрече? В конце концов, это моя земля. Я знал, что вы отправились навестить старуху Бесс, и догадался, какой путь вы изберете, чтобы добраться до Чесли-Корта.

– Вашей проницательностью можно только восхищаться, милорд. Достойный пример владения дедуктивным методом. Я обожаю логическое мышление.

– Вы прекрасно знали, что сегодня нам предстояло решить очень важное дело. И если вы умны – так, по крайней мере, утверждает ваш дед, – то должны были догадаться, что я хотел уладить все сегодня же. Следовательно, в нашей встрече нет ничего удивительного. Более того, я готов держать пари, что встреча предусмотрена вами заранее.

Софи крепко вцепилась в вожжи, мягкий голос словно обжигал ее изнутри. Дансер настороженно вскинул уши, и она тотчас расслабила пальцы. Бесс права, Рейвенвуд не тот человек, которого можно дергать за веревочку. С ним необходимо соблюдать осторожность.

– Видите ли, мои дела ведет дедушка, – сказала Софи. – Разве он не передал мой ответ на ваше предложение?

– Передал. – Рейвенвуд позволил своему норовистому жеребцу еще на несколько шагов приблизиться к Дансеру. – Но я решил не принимать ответ, не обсудив вопрос с вами лично.

– Совершенно справедливо, милорд, иначе не очень хорошо получается. Может быть, в Лондоне так принято решать подобного рода дела?

– Я хочу поговорить с вами. Вы же не жеманная пустышка, мисс Дорринг, и, пожалуйста, не надо меня дразнить. Вы вполне способны сами за себя отвечать. Так что объясните, в чем ваши затруднения, а я попытаюсь, если возможно, их решить.

– Затруднения, милорд?

Глаза его стали темно-зелеными.

– Я бы советовал вам не играть со мной, мисс Дорринг. Я не потворствую женщинам, которые пытаются дурачить меня.

– Я прекрасно понимаю вас, милорд. И поверьте, я не хотела бы связать себя с мужчиной, который потворствует женщине, особенно если она пытается его дурачить.

Рейвенвуд сощурился:

– Объяснитесь, пожалуйста.

Она слегка пожала плечами. Ее шляпка чуть съехала на лоб, и привычным жестом Софи попыталась отодвинуть мешавшее перо.

– Конечно, милорд. Вы заставляете меня говорить откровенно. Я вам не верю и не представляю нас с вами супружеской парой. Я трижды пыталась завести разговор, когда вы посещали Чесли-Корт в последние две недели. Но похоже, у вас не было никакого интереса обсуждать дело со мной. Вы относитесь к женитьбе, словно к покупке новой лошади. И признаться, я намеренно воспользовалась столь решительной тактикой сегодня, чтобы наконец привлечь к себе внимание.

Рейвенвуд взирал на Софи с холодным раздражением.

– Я все-таки прав: вы ничуть не удивлены, встретив меня здесь. Прекрасно. Сейчас вы полностью завладели моим вниманием, мисс Дорринг. И что же, на ваш взгляд, я должен понять?

– Я знаю, что вы ждете от меня, – заявила Софи. – Это совершенно ясно. Но вы не имеете ни малейшего понятия, чего хочу от вас я. А до тех пор, пока вы этого не поймете и не согласитесь с моими пожеланиями, наш брак будет невозможен.

– Значит, нам следует шаг за шагом двигаться в этом направлении, – сказал Рейвенвуд. – Вы утверждаете, что вам известны мои ожидания. Чего же, по-вашему, я жду?

– Наследника. И никаких волнений. Вам нужно, чтобы я вас ничем не беспокоила.

Рейвенвуд кивнул, нехотя соглашаясь. Его губы слегка скривились.

– Ну что ж, довольно кратко.

– И точно?

– Вполне, – усмехнулся он. – Нет никакого секрета в том, что мне нужен наследник. Три поколения Рейвенвудов владели имением, и я не хочу, чтобы традиция прервалась на мне.

– Иными словами, вы смотрите на меня, точно на кобылу для разведения молодняка?

Кожаное седло скрипнуло под графом, он угрожающе посмотрел на Софи.

– К сожалению, ваш дед не ошибся, – наконец проговорил он. – Чтение книг лишило вас деликатности, мисс Дорринг.

– О, я бываю куда более грубой, чем сейчас, милорд. Например, я могу заявить, что у вас в Лондоне есть любовница.

– Черт побери! Кто вам сообщил? Не лорд же Дорринг, могу поклясться!

– Да здесь все говорят о ней.

– А вы верите рассказам крестьян о жизни лондонского света? Однако, насколько мне известно, жители деревни не отлучаются от своих домов далее чем за несколько миль, – фыркнул Рейвенвуд.

– А разве по столице о вас ходят другие сплетни?

– Я начинаю думать, что вы намеренно желаете оскорбить меня, мисс Дорринг.

– Нет, милорд, просто я очень осторожна.

– Это упрямство, а не осторожность. Да пошевелите, наконец, своими мозгами! Если бы в моем поведении было хоть что-то предосудительное, неужели ваши воспитатели одобрили бы мое предложение?

– Поскольку ваше предложение руки и сердца подкрепляется солидной суммой, то безусловно.

Рейвенвуд слегка улыбнулся:

– Впрочем, может, вы и правы.

– А вы хотели бы утверждать, что все россказни несправедливы? – спросила, немного поколебавшись, Софи.

Рейвенвуд испытующе посмотрел на нее:

– А что еще вы слышали?

Софи не ожидала, что разговор примет такой необычный оборот.

– Вы имеете в виду, что я слышала, кроме того, что вы содержите любовницу?

– Если другие слухи столь же нелепы, как этот, вам должно быть стыдно за себя, мисс Дорринг.

– Увы, боюсь, я не наделена столь изысканным чувством, как стыд, милорд. Досадный недостаток – несомненно, но вам следует иметь его в виду. Слухи, конечно, могут быть очень нелепы, но, признаюсь, я не могу к ним не прислушиваться.

Граф стиснул зубы:

– Действительно, прискорбный недостаток. А что еще вы слышали?

– Ну, кроме пикантных подробностей о любовнице, говорят, что вы как-то дрались на дуэли.

– Неужели вы рассчитывали, что я могу подтвердить такую чушь?

– Еще я слышала, что вы отправили жену в деревню, потому что она не смогла вам подарить наследника! – выпалила Софи.

– Я ни с кем не собираюсь обсуждать первую жену. – Лицо Рейвенвуда сразу стало непроницаемым. – Если мы намерены жить вместе, мисс Дорринг, я посоветовал бы вам никогда больше не упоминать о ней.

Софи вспыхнула:

– Извините, милорд. Я пытаюсь обсуждать не ее, а вашу привычку отправлять жен в деревню.

– Что за черт! О чем вы?

Софи призвала на помощь все свое мужество, чтобы продолжать разговор в столь ужасном тоне:

– Полагаю, мне следует объяснить вам, что я не намерена оставаться здесь, в Рейвенвуде, или в каком-то другом вашем имении, когда вы будете проводить время в Лондоне, милорд.

Он нахмурился:

– У меня сложилось впечатление, что вам здесь нравится.

– Да, мне нравится сельская жизнь, я ею довольна. Но я не хочу, чтобы меня заперли в Рейвенвудском аббатстве. Большую часть своей жизни я провела в деревне, милорд, и у меня появилось желание снова увидеть Лондон.

– Снова? А мне дали понять, что вам не понравилось в городе, мисс Дорринг.

Она смущенно отвела глаза:

– Не сомневаюсь, вам известно о моем поражении. Меня вывозили на сезон в город, но я никого не заинтересовала и не получила ни одного предложения.

– И я начинаю догадываться, почему так случилось, мисс Дорринг, – жестоко отвечал Рейвенвуд. – Если вы были такой же занудой со своими поклонниками, как сегодня со мной, вы их просто испугали.

– И вы тоже испугались?

– Еще бы, у меня просто дрожат коленки.

Софи едва сдержала улыбку.

– Но вы умеете скрывать свой страх, милорд.

Глаза Рейвенвуда заблестели, но он подавил смех:

– Давайте продолжим наш откровенный разговор, мисс Дорринг. Итак, я обещаю, что вы не будете жить безвыездно в Рейвенвуде. Каковы ваши следующие требования?

Софи задержала дыхание. Положение становится угрожающим.

– Да, есть еще требования, милорд.

Граф вздохнул:

– Позвольте узнать – какие?

– Вы достаточно определенно выразились, в чем состоит ваш интерес в нашем браке. Наследник.

– А вас удивляет мое желание, мисс Дорринг? Но разве желание иметь детей не совершенно закономерная причина для женитьбы?

– Понимаю, – кивнула Софи. – Но я не готова сразу приступить к вынашиванию ребенка, милорд.

– Не готовы? Но позвольте… вам уже двадцать три. По-моему, дорогая моя, вы более чем готовы.

– Конечно, меня пора сдать в архив, милорд. И нет нужды подчеркивать это лишний раз. Но, как ни странно, я не кажусь себе старой, и вам, видимо, тоже, иначе вы не захотели бы на мне жениться.

Рейвенвуд улыбнулся, и Софи увидела, какие у него сахарно-белые зубы.

– Я должен признаться, что когда тебе тридцать четыре, то двадцать три не так уж много. Тем более вы производите впечатление здоровой женщины, вы хорошо сложены и достойно справитесь с муками родов.

– Я и понятия не имела, что вы такой эксперт.

– Мы опять уклоняемся от предмета разговора. Итак, о чем вы хотели мне поведать, мисс Дорринг?

Софи собралась с духом:

– Я соглашусь выйти за вас замуж только в том случае, если вы поклянетесь, что не примените ко мне насилия. Пока я сама не дам разрешение…

Она почувствовала, как под напряженным пристальным взглядом Рейвенвуда горячая волна прилила к ее лицу. Руки, уцепившиеся за поводья, дрожали, и Дансер беспокойно принялся перебирать ногами. Сильный порыв ветра согнул кроны деревьев, прошелся по юбке Софи.

Холодный гнев вспыхнул в зеленых глазах Джулиана.

– Даю вам слово чести, мисс Дорринг, что никогда в жизни я не насиловал женщин. Но мы говорим о браке, и мне кажется, вы должны понимать, что супружеские отношения дают не только определенные права мужу и жене, но и налагают некоторые обязательства.

Софи быстро кивнула, и ее шляпка совсем съехала на глаза. Но на сей раз она не обратила на это никакого внимания.

– Но я также знаю, милорд, что большинство мужчин не понимают, как глупо настаивать на своих правах, не принимая в расчет желание женщины. Вы относитесь к числу таких мужчин?

– Вы не можете ожидать, что я женюсь на женщине, которая не готова предоставить мне право исполнять обязанности мужа, – процедил Рейвенвуд сквозь зубы.

– А я и не говорила, что никогда не буду готова предоставить вам возможность исполнения супружеских прав. Я только прошу, чтобы вы дали мне время узнать вас поближе, привыкнуть к новому положению.

– Вы не просите, мисс Дорринг, вы требуете. Не результат ли это вашей любви к чтению?

– Ах, дедушка предупредил вас и об этом!

– Да, и я обещаю, что лично прослежу за вашим чтением, когда мы поженимся, мисс Дорринг.

– Таким образом, мы подошли к третьему пункту. Вы должны мне разрешить покупать книги и трактаты по своему усмотрению.

Вороной конь вскинул голову, а Рейвенвуд мысленно выругался. Опытная рука графа успокоила Ангела.

– Позвольте уточнить, верно ли я понял ваши требования? – спросил он с явной насмешкой. – Вас нельзя держать в деревне, вы не будете делить со мной постель до тех пор, пока сами того не захотите, и собираетесь читать все, что пожелаете, даже если я буду возражать.

Софи вздохнула:

– Да, это все мои условия.

– И вы надеетесь, что я соглашусь на этот возмутительный перечень?

– Сомневаюсь, милорд. В этом и заключена причина моего отказа, переданного вам сегодня днем. Я решила, что мой отказ спасет нас обоих от напрасной траты времени.

– Извините, мисс Дорринг, кажется, теперь мне совершенно ясно, почему до сих пор вы не замужем. Ни один здравомыслящий мужчина не согласится на столь смешной список условий с вашей стороны. Вы действительно искренне стремитесь избежать замужества?

– Я не спешу к алтарю.

– Оно и видно.

– Вообще-то у нас есть что-то общее, милорд, – пропела Софи сладким голосом. – Мне кажется, вы хотите жениться исключительно из чувства долга. Неужели вам так трудно понять, что и я могу не находить ничего привлекательного в замужестве?

– Похоже, вы недооцениваете даже те преимущества, которые способны дать мои деньги.

– Разумеется, милорд, ваши деньги сильная приманка. Но она из числа тех, что я в силах оставить без внимания. Конечно, на деньги, оставшиеся от отца, я никогда не куплю себе бальные туфельки с бриллиантами, но зато буду чувствовать себя независимой и все наследство истрачу как захочу. В случае если я выйду замуж, мне это не удастся.

– Так почему бы вам не добавить к списку еще одно требование: муж не должен руководить вами в экономических и финансовых вопросах, мисс Дорринг?

– Прекрасная мысль, милорд. Я думаю, именно так и следует поступить. Вы разрешили мои сомнения по еще одному вопросу. Благодарю вас.

– К сожалению, если даже найдется мужчина, начисто лишенный здравого смысла и готовый согласиться с вашими требованиями, где гарантия, что муж не изменит данному слову после свадьбы. Что вы на это скажете?

Софи опустила глаза. Граф, безусловно, прав.

– Да, милорд. Я буду полностью зависеть от слова чести будущего мужа.

– Осторожно, мисс Дорринг, – с мягкой угрозой произнес Рейвенвуд. – Мужское слово чести может быть нерушимым, когда дело касается карточных долгов или репутации дуэлянта, но оно почти ничего не стоит, когда разговор идет о женщине.

Софи похолодела:

– Следовательно, у меня нет выбора. В таком случае я никогда не рискну выйти замуж.

– Вы ошибаетесь, мисс Дорринг. Выбор вы уже сделали и теперь не упустите свой шанс. Судя по вашим словам, вы бы согласились принять мое предложение, если бы я принял ваши условия? Прекрасно. Я согласен.

Софи в изумлении открыла рот. Сердце ее бешено забилось.

– Вы согласны на мои требования?

– Считаю, сделка заключена. – Сильные руки Рейвенвуда слегка натянули поводья, конь настороженно вскинул голову. – Мы поженимся как можно скорее. Ваш дед ждет моего визита завтра в три. Передайте ему о моем желании, чтобы к этому времени все было подготовлено. Поскольку вы и я пришли к согласию, смею надеяться, что у вас хватит мужества встретиться со мной завтра в вашем доме.

– Милорд, я не совсем вас понимаю, – ошеломленно проговорила Софи. – Вы уверены, что хотите на мне жениться на таких условиях?

Рейвенвуд саркастически улыбнулся, его зеленые глаза опасно сверкнули. Он явно забавлялся.

– Суть в том, Софи, как долго вы сможете придерживаться ваших требований, после того как столкнетесь с реальностью, став моей женой.

– Милорд, но ваше слово чести! – взволнованно воскликнула Софи. – Я настаиваю на нем!

– Жаль, что вы не мужчина, иначе за одно лишь высказанное сомнение я вызвал бы вас на дуэль. Я дал вам слово чести, мисс Дорринг.

– Благодарю вас, милорд. Вы действительно не будете возражать, чтобы я тратила наследство моего отца по своему усмотрению?

– Софи, сумма, которую я буду давать вам на квартал, значительно превышает ваш годовой доход. На первых порах вам будет этого достаточно для оплаты счетов. Ваши расходы меня не интересуют.

– О, понимаю. А как насчет книг?

– Надеюсь, как-нибудь справлюсь с глупыми идеями, которые книги вдалбливают вам в голову. Без сомнения, время от времени я буду раздражаться, но совсем не исключено, что это станет поводом для интересных споров. Скучные женские разговоры любого мужчину сведут с ума.

– Я попытаюсь не наскучить вам, милорд. Но давайте окончательно убедимся, что мы поняли друг друга. Вы не будете круглый год держать меня в деревне?

– Я разрешу вам сопровождать меня в Лондон при всяком удобном случае. Если вам действительно того хочется.

– Вы слишком добры, милорд. А как насчет последнего требования?

– Ах да. Я должен пообещать не пытаться овладеть вами насильно. Но мне кажется, надо как-то оговорить сроки. В конце концов, главная цель брака – наследник.

Софи почувствовала себя неловко:

– Оговорить сроки?

– Да, как долго вы будете привыкать ко мне?

– Шесть месяцев! – отважилась она.

– Не глупите, мисс Дорринг. Я не намерен ждать шесть месяцев, чтобы воспользоваться правами мужа.

– Три месяца?

Он собрался отвергнуть и этот срок, но вдруг в последнюю минуту передумал:

– Ну что ж, хорошо. Три месяца. Видите, как я покладист?

– Я поражена вашим великодушием, милорд.

– Так и должно быть. Вам ни за что не найти другого мужчину, который согласился бы на столь долгую отсрочку выполнения супружеских обязанностей.

– Вы правы, милорд. Я никогда не нашла бы другого мужчину, столь покладистого в вопросах, касающихся брака. Простите, но любопытство сильнее

меня. А почему вы так покладисты?

– Я покладист потому, моя дорогая мисс Дорринг, что в конце концов я получу от этого брака то, что хочу. До скорого свидания. Встретимся завтра в три.

Его черный Ангел мгновенно развернулся на небольшом пространстве и галопом понесся между деревьями.

Софи находилась в оцепенении, пока Дансер не опустил голову пощипать траву. Это движение коня вернуло ее к действительности.

– Домой, Дансер! Я уверена, сейчас бабушка и дедушка или в истерике, или в полном отчаянии. Я должна сообщить им, что все разрешилось.

Но тут ей на ум пришла старая поговорка: если садишься обедать с чертом, возьми ложку подлиннее.

Глава 2

Леди Дорринг, не покидавшая с утра постель из-за мигрени, к обеду совершенно ожила, получив известие, свидетельствующее, что к ее внучке вернулся здравый смысл.

– Не могу понять, Софи, почему тебе взбрело в голову отказать графу, – произнесла леди Дорринг, изучая шотландский суп, принесенный дворецким Хиндли. Он прислуживал и за столом. – Нет, не понимаю. Слава Богу, в конце концов ты выбрала правильное решение. Я тебе скажу, мы все должны быть чрезвычайно признательны Рейвенвуду за его снисходительность к твоему странному поведению.

– Но его предложение не совсем понятно, не правда ли? – пробормотала Софи.

– Почему?! – удивленно воскликнул Дорринг, восседавший во главе стола. – Что ты имеешь в виду?

– Только то, что я не понимаю причины, по которой граф захотел просить моей руки.

– Боже праведный, но почему он не мог предложить тебе выйти за него замуж? – подняла брови леди Дорринг. – Ты привлекательная, хорошо воспитанная молодая леди из уважаемой семьи.

– Но меня же вывозили в город, бабушка, разве ты не помнишь? Я видела, сколько там красавиц, со многими из них мне не сравниться. И если я не составила им конкуренцию пять лет назад, то о чем говорить сейчас? И у меня нет приданого, которое часто служит приманкой.

– Рейвенвуд не нуждается в деньгах, – с глубокомысленным видом заметил лорд Дорринг. – Брачный контракт, который он предлагает, весьма щедр.

– Разумеется, ему не нужно жениться ради земли или денег, и у него уже была красавица, – упорствовала Софи. – Вопрос в том, почему он остановил выбор на мне. Вот что странно.

– Софи, пожалуйста, – решительно вмешалась леди Дорринг, – не задавай глупых вопросов. Ты очаровательна и вполне подходящая для него партия.

– «Очаровательна, подходящая партия…» – такое можно сказать про многих девушек в свете. Большинство из них к тому же гораздо моложе меня. Наверное, есть во мне нечто способное привлечь воинственного графа Рейвенвуда. Мне очень хотелось догадаться, что же именно. Однако все объяснилось достаточно просто, стоило только поразмыслить об этом.

Лорд Дорринг посмотрел на нее с искренним любопытством:

– Так ради чего он остановил выбор на тебе? Я, конечно, хорошо тебя знаю и люблю, ведь ты моя внучка. Но, откровенно говоря, даже я удивлен: почему граф именно на тебя обратил внимание?

– Тео!

– Извини, моя дорогая. Извини, – смешался Дорринг, переводя глаза на негодующую супругу. – Просто очень любопытно, понимаешь?

– И мне любопытно, – быстро проговорила Софи. – Кажется, я разгадала его намерение: у меня есть три качества, которыми, по его мнению, должна обладать жена. Во-первых, я первая подвернулась под руку из тех местных девушек, кто, по словам бабушки, получил достойное воспитание. Скорее всего он просто не хотел тратить время на поиски второй жены, у него ведь есть дела поважнее.

– Например? – спросил Дорринг.

– Выбор новой любовницы, новой лошади, новой земли. И еще тысячи мелочей, которые стоят на первом месте и гораздо важнее жены.

– Софи!

– Увы, бабушка, но это так. Рейвенвуд потратил немного времени, чтобы выбрать жену. Согласись, ведь не было ничего, даже отдаленно напоминающего ухаживание.

– Ну вот, – резко прервал ее лорд Дорринг. – Ты, конечно, не можешь смириться с тем, что мужчина не приносил тебе цветов, не читал любовных сонетов. Рейвенвуд, похоже, не относится к романтическим натурам.

– Думаю, ты прав, дедушка. Он совершенно неромантичен. Он заезжал сюда, в Чесли-Корт, всего несколько раз и раза два приглашал нас в аббатство. И все.

– Я тебе уже говорил, он не любит тратить время попусту. – Лорд Дорринг чувствовал себя обязанным защищать другого мужчину. – Ему надо заниматься многочисленными имениями, к тому же, по слухам, он начал новое строительство в Лондоне. Он очень, очень занят.

– Именно так, дедушка. – Софи едва сумела скрыть улыбку. – Но я продолжаю. Вторая причина, почему выбор графа пал на меня, – мой возраст. На его взгляд, любая незамужняя женщина моих лет должна быть чрезвычайно благодарна человеку, столь великодушно снявшему ее с пыльной полки. А благодарная жена

– жена управляемая.

– У меня большие сомнения на сей счет, – задумчиво протянул лорд Дорринг. – Конечно, он рассчитывал, что женщина твоего возраста окажется более разумной и уравновешенной, чем юная особа с романтическим вздором в голове. Он говорил сегодня что-то в этом роде.

– Правда, Тео? – Леди Дорринг внимательно посмотрела на мужа.

– Да-да, – быстро кивнула Софи. – Он полагает, что я более уравновешенна, чем семнадцатилетняя девица, только что выпорхнувшая из детской. Но в любом случае мой возраст имеет важное значение для графа. И последняя, на мой взгляд, самая главная причина его выбора – я совсем не напоминаю его бывшую жену.

Леди Дорринг едва не поперхнулась вареной рыбой, которую ей только что подали.

– А какое отношение это обстоятельство имеет к вашему браку?

– Не секрет, что граф пресытился красавицами: они заставили его поволноваться. Все знали о привычке леди Рейвенвуд приглашать своих любовников в аббатство. Если даже мы это знали, то его светлость тем более. В таком случае какую жизнь она вела в Лондоне?!

– Это точно, – проворчал Дорринг. – Если она в деревне так себя вела, то в городе наверняка превратила его жизнь в сущий ад. Говорят, из-за нее он пару раз подставлял свою голову на дуэли. Так что трудно осудить его за желание иметь жену, которая не станет гоняться за мужчинами. Не обижайся, Софи, но ты не относишься к тем женщинам, которые доставляют беспокойство по этой причине. И у него нет никаких сомнений на сей счет.

– Я бы хотела, чтобы вы оба прекратили неприличный разговор, – заявила леди Дорринг. Но было совершенно ясно, что она не надеялась на их послушание.

– Но, согласись, дедушка прав. Я буду самим совершенством в качестве графини Рейвенвуд. В конце концов, я воспитана в деревне, и можно ожидать, что с

радостью буду все время проводить в аббатстве. И не стану возить за собой любовников, если куда-нибудь отправлюсь. Я ведь вообще провалилась на брачном базаре в Лондоне и вряд ли решусь появиться в свете еще раз. Лорд Рейвенвуд это прекрасно понимает, как и то, что ему не придется отбиваться от моих назойливых поклонников по той простой причине, что их вообще не будет.

– Софи, – произнесла леди Дорринг с чувством собственного достоинства. – Довольно. Я больше не потерплю столь неприличного разговора.

– Да, бабушка, но неужели ты не заметила, что неприличные разговоры всегда самые интересные?

– Больше ни слова, девочка. Предупреждение распространяется и на тебя, Тео.

– Да, дорогая.

– Не знаю, – угрожающе продолжала леди Дорринг, – насколько точны ваши умозаключения относительно лорда Рейвенвуда и его мотивов, но в одном я с ним полностью согласна. Софи, ты должна быть чрезвычайно признательна графу.

– У меня уже был случай испытать благодарность к его светлости, – печально вспомнила Софи. – Во время моего выезда в свет. Он был очень галантен со мной на балу. Кстати, то был единственный раз, когда я танцевала весь вечер. Сомневаюсь, что он помнит об этом, поскольку из-за моего плеча все время ревниво высматривал, с кем танцует его несравненная Элизабет.

– Постарайся забыть о первой леди Рейвенвуд. Она умерла, и все кончено, – как обычно, без обиняков заявил лорд Дорринг. – Послушай моего совета, девочка. Не дразни Рейвенвуда, и тебе будет с ним хорошо. Не жди от него больше, чем он может дать, и у тебя будет достойный муж. Мужчина, который хорошо относится к своей земле, будет хорошо относиться и к жене. Он умеет заботиться о том, чем владеет.

Дедушка, конечно, прав, размышляла Софи ночью, лежа в постели без сна. Она не сомневалась, что, если бы ей удалось не раздражать, не перечить ему, Рейвенвуд был бы не хуже других мужей. К тому же вряд ли они часто будут видеться. За время своего сезона в Лондоне Софи уяснила, что большинство

мужей и жен в свете живут каждый своей жизнью.

«И это в моих интересах», – сказала себе Софи. Как жена графа Рейвенвуда, она сумела бы расследовать дело бедняжки Амелии. Однажды Софи поклялась, что отыщет человека, соблазнившего и бросившего сестру.

Вот уже три года Софи следовала совету старой Бесс и почти смирилась со смертью сестры. Гнев и ярость, которые она испытывала первое время, постепенно улеглись.

Она почти безвыездно жила в деревне, поэтому у нее не было шансов найти соблазнителя и бросить ему вызов. Но теперь, когда она выйдет замуж за графа, все переменится.

Софи откинула одеяло, встала с кровати. Босоногая прошла по мягкому ковру к туалетному столику, отыскала маленькую шкатулку с драгоценностями. Без труда открыла ее и в темноте нашла черный перстень. Она не раз держала его в руках, поэтому теперь на ощупь распознала его. Пальцы Софи сомкнулись вокруг кольца. Холодный и тяжелый перстень. Софи чувствовала, как в кожу вдавливается странный символический треугольник, выгравированный на его поверхности.

Софи ненавидела перстень. Его нашли в кулаке Амелии в ту злосчастную ночь, когда она выпила слишком большую дозу настойки опия. Позже Софи выяснила: черный перстень принадлежал человеку, который соблазнил ее белокурую красавицу сестру и наградил ее ребенком. Амелия наотрез отказалась назвать имя соблазнителя. Только одно удалось узнать Софи: мужчина был одним из любовников леди Рейвенвуд.

Софи была также почти уверена, что ее сестра тайно встречалась с ним в развалинах старого нормандского замка во владениях Рейвенвуда. Софи нередко бывала там, делая наброски древних камней, и однажды ей попался на глаза платочек Амелии – всего через несколько недель после смерти сестры. С того времени Софи даже близко не подходила к руинам замка.

Как же еще найти человека, виновного в смерти Амелии, если не стать новой леди Рейвенвуд? Софи на миг сжала кольцо в кулаке, а потом бросила в шкатулку. Только ради этого она выйдет замуж за графа, а что касается

остальных доводов в пользу брака, они ей казались нелепыми.

Софи собиралась научить дьявола любить.

* * *

Джулиан, небрежно развалившись в карете с мягкими рессорами, критически разглядывал новую графиню Рейвенвуд. В последнее время он редко встречался с Софи, ибо не видел необходимости для постоянных поездок из Лондона в Хэмпшир. У него были дела в городе. Теперь же ему предоставилась возможность оценить женщину, выбранную им для рождения наследника.

Он изучал свою невесту, которая всего лишь несколько часов назад, к своему удивлению, стала графиней.

Как обычно, в ее одежде и прическе царил беспорядок. Несколько рыжеватых локонов выбились из-под новой соломенной шляпки, а перо торчало под странным углом. Джулиан присмотрелся – стебель пера надломлен. Скользнув взглядом чуть ниже, он обнаружил, что от ленточки, украшавшей сумочку, оторвался хвостик, а подол платья в пятнах от травы. Видимо, Софи испачкалась, высовываясь из кареты, когда принимала букет цветов от немытого деревенского паренька. Почти все жители деревни захотели пожелать Софи счастливого пути. Оказывается, его жена весьма популярна в этих местах.

Он с удовольствием вспомнил, что не услышал от нее жалоб, когда сообщил о своем намерении сделать медовый месяц рабочим. Недавно он купил имение в Норфолке, и, по его мнению, свадебное путешествие – прекрасная возможность осмотреть новое приобретение.

Он не мог не признать, что леди Дорринг с блеском провела свадебный прием. Большинство гостей были местными жителями. Джулиан не пригласил своих многочисленных знакомых из Лондона: пройти еще раз через свадебную церемонию в присутствии тех же лиц оказалось ему не под силу.

Когда объявление о предстоящем браке появилось в «Морнинг пост», Рейвенвуда закидали вопросами, но он сумел отбиться от наиболее назойливых приятелей. Правда, не всегда его тактика имела успех, и теперь он сжал губы,

вспомнив об этом. Некую леди с Тревор-сквер не обрадовало известие о женитьбе Джулиана. Но Марианна Харвуд была слишком хитра и прагматична, чтобы устроить кое-что посерьезнее, чем небольшая сцена. Он знал, как ее успокоить. Серьги, оставленные ей Джулианом в свой последний визит, помогли разгладить скорбные черты на лице красавицы Харвуд.

– Что-то не так, милорд? – осведомилась Софи, выводя Джулиана из задумчивости.

Он быстро вернулся к действительности:

– Все хорошо. Я просто вспомнил одно дело, которым пришлось заняться на прошлой неделе.

– Должно быть, очень неприятное дело. Вы казались весьма раздраженным. Я даже предположила, что вам достался плохой кусок мясного пирога.

Джулиан слабо улыбнулся:

– Да, именно мясной пирог довольно плохо переваривается мужским желудком. Но, уверяю вас, мое здоровье вне опасности.

Софи посмотрела на него спокойным открытым взглядом:

– Понятно. – Она отвернулась к окну.

Джулиан нахмурился:

– А теперь моя очередь спросить: что-нибудь не так, Софи?

– Все хорошо.

Скрестив руки на груди, Джулиан принялся рассматривать кисточки на своих отполированных ботфортах, а потом его глаза насмешливо блеснули.

– Полагаю, нам лучше прийти к взаимопониманию по некоторым небольшим вопросам, мадам жена.

Она бросила на него быстрый взгляд:

– Да, милорд?

– Несколько недель назад вы предъявили мне список своих требований.

– Именно так, милорд.

– Какое-то время я был занят и пренебрег тем, что у меня тоже есть список требований к вам.

– Я знаю ваши требования, милорд. Во-первых, наследник, во-вторых, безмятежная жизнь.

– Я намерен воспользоваться предоставившейся возможностью, чтобы кое-что уточнить.

– Вы хотите что-то добавить к своим требованиям? Но вряд ли это честно.

– Но я не сказал, что хочу что-то добавить. Я просто хочу уточнить… – Джулиан прервался, заметив беспокойство в ее бирюзовых глазах, и, слегка улыбнувшись, продолжил: – Зачем так волноваться, моя дорогая? Первый пункт в списке без изменений – наследник. Что касается второго…

– Чтобы жизнь ваша была спокойной? Требование довольно простое.

– Так оно и будет, как только вы поймете, что я под этим подразумеваю.

– Объяснитесь, пожалуйста.

– Полагаю, нам удалось бы избежать многих неприятностей, если бы вы взяли за правило никогда мне не лгать.

Ее глаза расширились.

– У меня и в мыслях не было ничего подобного.

– Прекрасно. Будьте уверены, вам это все равно не удастся. Ваши глаза, Софи, всякий раз выдают вас, и меня будет чрезвычайно раздражать ложь в них. Вы меня хорошо поняли?

– Вполне, милорд.

– Тогда вернемся к моему вопросу. Мне кажется, я вас спросил: что-то не так? И вы сказали, что все хорошо. А ваши глаза – совершенно обратное.

Она теребила оторванную ленточку на сумочке.

– Я не имею права на собственные мысли, милорд?

Он сердито сдвинул брови:

– А у вас настолько личные мысли, что о них не должен знать муж?

– Нет. Я просто предположила, что вам не понравится, если я выскажу вслух свои мысли, поэтому и оставила их при себе.

Джулиан хотел разразиться гневной тирадой, но внезапно почувствовал любопытство:

– Я все же хотел бы узнать, если можно.

– Ну что ж, хорошо. Я попытаюсь логически поразмышлять, милорд. Вы проговорились, что занимались одним делом на минувшей неделе перед нашим браком, и я осмелилась предположить, какое дело вам следовало уладить.

– И к какому заключению вы пришли?

– Конечно, трудная задача – сообщить своей любовнице о предстоящей женитьбе. Но кто осудит бедную женщину? В конце концов, она выполняла обязанности жены, а теперь ей объявлено, что вы намерены передать ее «титул» другой претендентке. Кстати, весьма неопытной претендентке, смею заметить. Наверняка она устроила трагическую сцену, сильно огорчившую вас. Ну скажите, она актриса или балерина?

Джулиан едва не рассмеялся. Но он, как добропорядочный муж, подавил это желание.

– Вы превзошли самое себя, мадам, – процедил он сквозь зубы.

– Так вы же сами потребовали рассказать о моих мыслях? – Перо на шляпке заколыхалось. – Теперь вы согласны, что иногда мне лучше держать некоторые глубоко личные мысли при себе?

– В первую очередь, вы не должны размышлять на такие темы.

– Я совершенно уверена в вашей правоте, но, к несчастью, я не способна контролировать работу своего ума.

– Может быть, вас надо научить некоторым способам контроля? – предложил Джулиан.

– Сомневаюсь. – Софи вдруг улыбнулась, и так тепло и обворожительно, что Джулиан растерялся. – Скажите мне, – порывисто продолжала Софи, – я правильно отгадала?

– Дело, которое я улаживал перед отъездом из Лондона на прошлой неделе, не касается вас, мадам.

– А, теперь понятно. Я не имею права оставаться наедине со своими мыслями, а вы имеете на это все права. Вряд ли справедливо, милорд. В любом случае, если мои дурные мысли вас так волнуют, может, мне лучше держать их при себе?

Джулиан подался вперед и без лишних слов взял ее пальцами за подбородок. Он почувствовал, какая шелковистая и мягкая у нее кожа.

– Ты дразнишь меня, Софи?

Она не пыталась отстраниться.

– Признаюсь, да, милорд. Вы настолько высокомерны, что искушение слишком велико, и ему трудно противостоять.

– Да, я понимаю, что такое – испытывать непреодолимое искушение, ибо сам почти не в силах ему противостоять.

Джулиан придвинулся к ней ближе и обнял ее за тонкую талию. Потом поднял сильными уверенными руками и посадил к себе на колени. В его взгляде она прочла холодное удовлетворение, и ее глаза тревожно расширились.

– Рейвенвуд! – Она почти задохнулась от изумления.

– Итак, мы подошли еще к одному пункту в моем списке требований, который нуждается в уточнении, – пробормотал он. – Когда мне хочется вас поцеловать, будет лучше, если вы станете называть меня по имени. Почему бы вам не называть меня Джулианом? – И вдруг он почувствовал, как ее упругие крепкие ягодицы придавили его бедра, а складки юбок накрыли его бриджи.

Она уперлась руками ему в плечи.

– Неужели мне надо снова напоминать вам о данном слове чести, о том, что не… что вы не будете применять ко мне силу?

Софи дрожала. Он ощутил, как дрожь сотрясает ее тело, и это раздражало его.

– Не глупите, Софи. Я не собираюсь применять к вам насилие, как вы это называете. Я просто хочу вас поцеловать. Нет ничего предосудительного в поцелуях.

– Милорд, вы обещали!

Поддерживая ее одной рукой за затылок, он осторожно прильнул к ее устам. Ее губы раскрылись с новыми словами протеста, как только он их коснулся.

Поэтому поцелуй сразу оказался более интимным, чем ожидал Джулиан, и внезапно его охватил огонь желания. Рот Софи был мягким, влажным и пряным.

Софи вздрогнула и тихо застонала, когда он сжал ее еще крепче. Она попыталась высвободиться, но он не отпускал, и она затихла в его объятиях.

Джулиан почувствовал ее осторожную податливость, и его поцелуй стал более страстным. Боже, как она была хороша! Он и не ожидал, что она окажется такой теплой и такой сладкой. В ней было достаточно женской силы, чтобы он мгновенно осознал в себе превосходящую силу мужчины, и эта мысль оказала на него удивительно возбуждающее действие. Он почти сразу почувствовал, как проснулась его плоть…

– А теперь назовите меня по имени, – тихо приказал он, не отрывая своих губ.

– Джулиан, – отозвалась она дрожащим голосом, но вполне отчетливо.

Он провел ладонью по ее руке и уткнулся головой в ее шею:

– Еще раз.

– Джулиан, прекратите, пожалуйста. Это слишком далеко заходит. Вы же дали мне слово.

– А разве я применяю насилие? – насмешливо спросил он и нежно поцеловал за ухом. Рука скользнула вниз по ее руке, к колену. Джулиану вдруг захотелось большего, чем просто раздвинуть ее колени, ему хотелось исследовать всю Софи. Если его там ожидает такой жар и сладость, как и во рту, он вполне бы удовлетворился выбором жены. – Софи, именно это вы называете насилием?

– Я не знаю.

Джулиан тихо рассмеялся – так жалобно и неуверенно прозвучал ее голос.

– Позвольте мне уверить вас, что мои действия не имеют ничего общего с насилием.

– Но как иначе расценить ваши действия?

– Я занимаюсь с вами любовью, мадам. Подходящее занятие для мужа и жены.

– Вы не занимаетесь со мной любовью, – вполне серьезно ответила Софи.

Джулиан поднял голову и встретился с ней взглядом:

– Разве нет?

– Конечно, нет. Как же можно заниматься любовью, когда вы не любите меня?

– Тогда скажем так: я вас обольщаю. А муж имеет полное право обольстить свою жену. Я дал слово не применять насилие, но никогда не обещал отказаться от попыток обольстить вас.

«И не будет нужды нарушать данное слово чести по тому глупому соглашению, – удовлетворенно подумал он. – Она только что выказала свою готовность отвечать мне».

Софи отстранилась, в ее бирюзовых глазах зажегся гнев.

– Насколько я знаю, обольщение – одна из форм насилия по отношению к женщине. Это просто мужской способ скрыть истинные намерения.

Джулиана поразила воинственность ее голоса.

– Видимо, у вас был опыт? – холодно спросил он.

– Результат обольщения для женщины тот же, что и после применения силы. Вы думаете иначе?

Она неловко сползла с его колен, шерстяные юбки дорожного платья небрежно закрутились вокруг ног, сломанное перо продолжало падать с шляпки, пока не свесилось над ее настороженным глазом. Она потянулась, чтобы выдернуть его и воткнуть снова.

Джулиан схватил ее за руку:

– Я не услышал ответа, Софи, вас уже пытались обольстить?

– Ваш вопрос, милорд, немного запоздал, не правда ли? Следовало выяснить это раньше, до того как сделать мне предложение.

И вдруг он понял, что она никогда еще не была в объятиях мужчины. Он видел желанный ответ в ее глазах. Но он чувствовал, что должен заставить ее признаться. Софи должна знать, что он не потерпит уклончивых ответов, полуправды и миллиона других женских уверток.

– Я жду ответа, Софи.

– Тогда вы ответите мне на все мои вопросы о бывших любовницах?

– Конечно, нет.

– Какая несправедливость, милорд!

– Я ваш муж.

– Это дает право быть несправедливым?

– Это дает мне право и обязывает меня делать то, что я считаю для вас самым лучшим. Обсуждение с вами моих прошлых связей не приведет ни к чему хорошему. Мы оба это понимаем.

– Лично я не разделяю вашу уверенность. Несомненно, ваш рассказ помог бы мне лучше узнать ваш характер.

Он рассмеялся:

– Думаю, вы уже достаточно его изучили. Иногда мне кажется, что даже слишком. Теперь расскажите мне о своем опыте в таком прекрасном деле, как соблазнение, Софи. Может быть, какой-то деревенский ухажер пытался

позабавиться с вами на лесной полянке?

– А если да? Что вы тогда сделаете?

– Постараюсь, чтобы он за это заплатил, – просто ответил Джулиан.

– То есть вызовете его на дуэль за дела минувших дней?

– Вы уходите от разговора, Софи. – Его пальцы еще сильнее сжали ее запястье. Он чувствовал, какие хрупкие и нежные у нее косточки, и ослабил хватку.

Она отвела взгляд:

– Нет нужды беспокоиться. Некому мстить за мою поруганную честь, милорд. Я вела чрезвычайно тихий образ жизни… можно сказать, меня вообще не было. Честно говоря, я жила очень скучно.

– Я так и думал. – Он отпустил ее руку и откинулся на подушки. – А теперь скажите мне, почему вы ставите на одну доску обольщение и насилие?

– По-моему, не стоит вести такой неприличный разговор, – глухо проговорила она.

– У нас впереди еще много неприличных разговоров. Кстати, иногда, дорогая моя, вы сама походите на неприличную молодую даму. – Он потянулся и выдернул остаток пера из ее шляпки.

Она посмотрела на обломок пера с покорным видом.

– Ну, тогда вам следовало обратить внимание на мои неприличные наклонности до того, как настаивать на браке.

Джулиан вертел между пальцами остатки пера.

– А я решил, что все поправимо. Но прошу вас не отвлекаться. Расскажите наконец, почему вы боитесь соблазнения не меньше насилия?

– Это слишком личностное, милорд, такие вопросы не обсуждают.

– Боюсь, мне придется настаивать на этом. Не забывайте, я ваш муж.

– Сколько можно это повторять, пряча за своими вопросами праздное любопытство, – резко проговорила Софи.

Он искоса посмотрел на нее и увидел, как упрямо вскинулся ее подбородок.

– Вы оскорбляете меня, мадам.

Она почувствовала неловкость и принялась расправлять юбки.

– Вы очень обидчивы, милорд.

– Ах да, моя чрезмерная надменность! Видимо, вам придется смириться с этим недостатком, Софи, так же как и с моим чрезмерным любопытством. – Джулиан рассматривал сломанное перо.

В карете воцарилось молчание. Стук колес, скрип кожи, цоканье лошадиных подков казались неправдоподобно громкими.

– Обольщение не касалось меня лично, – очень тихо отозвалась Софи.

– Дальше? – Джулиан был нетерпелив.

– Это касалось моей сестры. Она стала жертвой соблазнителя. – Софи отвернулась к окну. – И никого не нашлось, кто отомстил бы за нее.

– Насколько я помню, ваша сестра умерла три года назад.

– Да.

Что-то в напряженном голосе Софи насторожило Джулиана.

– Так, по-вашему, причина ее смерти кроется в соблазнении?

– Она оказалась беременной, милорд, и мужчина, посодействовавший этому, бросил ее. Она не могла вынести ни позора, ни предательства. И выпила большую дозу настойки опия. – Софи стиснула руки на коленях.

Джулиан вздохнул:

– Извините, Софи. Мне очень жаль…

– Она могла бы не делать этого, – пробормотала Софи. – Бесс бы спасла ее.

– Старуха Бесс? А как? – нахмурился Джулиан.

– Есть способы. И если бы сестра доверилась мне, я отвезла бы ее к Бесс. И никто бы ничего никогда не узнал.

Джулиан уронил обломок пера, подался вперед, схватив жену за руки. На этот раз он намеренно сдавил ее хрупкие косточки.

– Что вам известно о таких вещах? – тихо, но настойчиво спросил он.

Элизабет знала…

Софи быстро заморгала в явном смущении от гнева, который он едва сдерживал.

– Бесс прекрасно разбирается в лекарственных травах. И многому меня научила.

– И она научила вас, как избавиться от нежеланного ребенка? – был настойчив он.

Софи, казалось, поняла наконец, что рассказала слишком много.

– Она… Она называла травы, которые может принимать женщина, если забеременеет, – нехотя призналась Софи. – Но такие травы бывают опасными, и ими надо пользоваться очень умело и осторожно. – Софи в смущении потупилась. – Увы, я не настолько искусна…

– Черт побери! Лучше бы вы вообще о них ничего не знали! Клянусь, если старая ведьма Бесс занимается такими делами, я немедленно сгоню ее со своих земель!

– Правда, милорд? А позвольте спросить, ваши друзья в Лондоне все кристально чистые? Неужели никто из ваших любовниц не прибегал к подобного рода помощи? Из-за вас же?

– Нет, – зло заскрежетал зубами Джулиан. – Да будет вам известно, мадам, есть определенные средства предохранения от беременности, как и от некоторых заболеваний, связанных… Впрочем, не важно.

– Определенные средства, милорд? Какие? – В глазах Софи зажегся явный интерес.

– Бог мой! Нам не стоит это обсуждать.

– Вы, ваша светлость, сами начали разговор. Но вы не расскажете мне об этих средствах, чтобы не возникало проблем, я права?

– Нет, конечно.

– Понятно, еще одна привилегия мужчин – права на информацию.

– Вам незачем это знать, – сердито отозвался он.

– Но есть женщины, которым известны подобные вещи, – настаивала она.

– Все, довольно, Софи.

– И вы близко знакомы с такими женщинами? Почему бы вам не познакомить меня хотя бы с одной? Я бы с удовольствием с ней поболтала. Очевидно, она поведала бы мне много интересного, о чем нельзя вычитать из книг.

У Джулиана мелькнула мысль, что Софи снова его дразнит, он уже готов был совсем потерять терпение, но вдруг понял, насколько невинен и искренен ее интерес и само ее поведение. Он застонал и откинулся на спинку сиденья.

– Больше мы не будем обсуждать эту тему.

– К сожалению, вы очень похожи на мою бабушку. И признаюсь, это сходство меня очень огорчает, Джулиан. Я надеялась, что буду жить с человеком, который окажется интересным собеседником.

– Я буду развлекать вас иными способами, – пробормотал он, закрывая глаза.

– Если вы снова имеете в виду обольщение, Джулиан, запомните – это для меня не развлечение.

– Из-за того, что произошло с вашей сестрой? Я понимаю, случившееся оставило след в вашей душе, но уверяю, муж и жена – совсем другое, между ними не может быть того соблазна, которому поддалась ваша сестра, Софи.

– Правда, милорд? А когда вы научились находить различия? Во время своего первого брака? Или с любовницами?

Терпение Джулиана иссякло. Он не шевелился и не решался открыть глаза.

– Я уже объяснил, что мой первый брак не подлежит обсуждению. Как и то, о чем вы сейчас ведете речь. Лучше помолчите, Софи.

Что-то в этом тихом голосе произвело на нее впечатление, она умолкла. Джулиан снова овладел собой и, поняв, что способен контролировать свои эмоции, открыл глаза и посмотрел на жену:

– Рано или поздно вы должны ко мне привыкнуть, Софи.

– Вы обещали мне дать время. Три месяца, милорд.

– Черт побери, женщина! Я же не применяю насилия! Но не рассчитывайте, что я не попытаюсь изменить ваше отношение к занятию любовью. Во-первых, три месяца – слишком большой срок, а во-вторых, об обольщении ничего не говорилось в нашем соглашении.

Она резко повернулась к нему:

– Значит, вот что вы имели в виду, когда предупреждали меня: слово чести мужчины не слишком надежно, когда дело касается женщины? Я вас правильно поняла, милорд, то есть я не могу положиться на слово джентльмена?

Слишком сильное оскорбление – оно бросило Джулиана в холод.

– Никто из моих знакомых не рискнул бы сказать мне такие слова, мадам.

– Вы собираетесь вызвать меня на дуэль? – продолжала она с неподдельным интересом. – Дедушка научил меня обращаться с пистолетом. Можете мне поверить, я неплохо стреляю.

Джулиан только вздохнул: честь джентльмена не позволяла ему побить собственную жену в день свадьбы. Но он понял, что новый брак не обещает быть гладким и спокойным, как он рассчитывал.

Он взглянул на сияющее лицо жены, размышляя, как бы достойнее ответить на выпад Софи.

В этот момент кусочек ленточки, свисающий с ее ридикюля, совсем оторвался и упал на пол кареты. Софи нахмурилась и быстро наклонилась, чтобы подобрать его. И Джулиан нагнулся за ленточкой, его большая рука коснулась ее маленькой.

– Позвольте мне, – холодно произнес он, поднимая ленту за кончик.

– Спасибо. – Чуть смутившись, она попыталась сразу же пристроить ленточку к ридикюлю.

Джулиан с удивлением наблюдал, как лента распускается еще больше. Все, что было сделано на ридикюле из ленты, расползалось на глазах. Она смущенно подняла глаза на мужа:

– Я никогда не пойму, отчего со мной всегда происходят подобные неприятности.

Джулиан молча взял ридикюль с ее колен и, открыв, засунул внутрь распустившуюся ленту. Возвращая ей ридикюль, он внезапно осознал – он только что открыл ящик Пандоры.

Глава 3

Шла вторая неделя их медового месяца в имении Джулиана в Норфолке, когда у Софи появились опасения, что ее муж чересчур увлечен послеобеденным портвейном. В остальном она даже испытывала некоторое удовольствие от свадебного путешествия. Эслингтон-Парк был окружен величественными лесистыми холмами и тучными пастбищами. Главный дом выглядел весьма внушительно. Он был выстроен в прошлом веке в модном тогда классическом стиле.

Интерьер по нынешним временам казался старомодным и тяжеловесным, но Софи нравились большие комнаты с высокими окнами. Она с увлечением обдумывала, что здесь можно изменить.

Она радовалась ежедневным прогулкам верхом с Джулианом, во время которых они осматривали леса, луга и богатые земли. Джулиан представил ее новому управляющему, Джону Флемингу, и, казалось, был очень благодарен Софи за то, что она не обижалась, когда долгие часы он проводил с молодым человеком, обсуждая будущее имения.

Джулиан постарался сам познакомиться со всеми арендаторами и представить их Софи. Он казался довольным, когда она восхищалась овцами и опытным взглядом определяла лучших животных.

Да, есть польза от деревенского воспитания, подумала Софи. По крайней мере такая женщина способна дать дельный совет мужу, который любит свою землю. Софи невольно ловила себя на мысли, полюбит ли когда-нибудь Джулиан так же свою вторую жену.

Арендаторы и соседи волновались в ожидании нового хозяина. Однако когда Джулиан в сопровождении фермеров обошел скотные дворы и конюшни,

совершенно не обращая внимания на свою модную одежду и начищенные сапоги, и сделал ряд дельных замечаний, у них сложилось мнение, что Рейвенвуд прекрасно разбирается в фермерстве.

Софи тоже приняли тепло, особенно после того как она поворковала с пухленькими младенцами, а потом в глубокой задумчивости свела брови, увидев больных, и посоветовала использовать местные травы в домашнем лечении. Иногда Джулиану приходилось терпеливо ждать, пока его жена давала рецепт сиропа от кашля или средства от желудка для жены фермера.

Казалось, он с удовольствием вынимал соломинки из волос Софи, когда она, закончив дела, выбиралась из приземистой хижины.

– Я вижу, из вас получится прекрасная жена, – заметил он мимоходом на третий день их путешествия. – На этот раз я сделал удачный выбор.

Софи постаралась скрыть свой восторг при этих словах и даже не улыбнулась.

– Судя по вашему замечанию, вы полагаете, у меня есть определенные качества, чтобы стать достойной женой фермера.

– Если отбросить все наносное, то, по сути, я и есть фермер. – Он оглядел ландшафт с гордостью человека, осознающего себя хозяином всего, что его окружает. – Хорошая фермерская жена меня бы вполне устроила.

– Вы говорите так, будто я когда-нибудь стану образцом совершенства, – тихо заметила Софи. – Но не забывайте, я уже ваша жена.

Он одарил ее дьявольской усмешкой:

– Нет еще, моя сладость. Но скоро будете. Гораздо скорее, чем вы думаете, мадам.

Все работники Эслингтон-Парка были прекрасно вышколены, и Софи внутренне вздрагивала, когда слуги чуть ли не кидались со всех ног, выполняя приказание Джулиана. Они явно побаивались нового хозяина, но в то же время гордились службой такому важному человеку.

Они слышали рассказы о его горячем жестком характере от кучера, конюха, слуги и горничной, сопровождавших лорда и леди Рейвенвуд, и не хотели бы испытать этот характер на себе.

Итак, медовый месяц проходил своим чередом. Единственное, что немного огорчало Софи, – это то, как незаметно, но весьма искусно Джулиан очаровывал ее по вечерам.

Само собой разумеется, он не собирался проводить три месяца в холодной одинокой постели. Он надеялся, что соблазнит ее гораздо раньше условленного срока. Но все бы так и продолжалось, если бы она не заметила его растущего пристрастия к послеобеденному вину. Причина ее тревоги была и в том, что она ощущала, как послушно отзывается на его все более интимные поцелуи перед сном. Если бы она смогла справиться с собой, то не сомневалась бы, что Джулиан не нарушит если не дух, то букву данной клятвы. Она надеялась, что гордость не позволит ему силой увлечь ее в постель.

Но ее беспокоило все усугубляющееся пристрастие к портвейну. Уже возникло предчувствие надвигающейся опасности. Она прекрасно помнила ту ночь, когда сестра Амелия вернулась с одного из тайных свиданий вся в слезах и объяснила, что пьяный мужчина способен к насилию и ведет себя как животное. Мягкие белые руки Амелии в тот вечер были покрыты синяками. Софи в ярости требовала назвать имя любовника, но Амелия наотрез отказалась.

– А ты рассказала своему распрекрасному любовнику, что уже несколько поколений Доррингов – соседи Рейвенвудов? Если дедушка узнает, что происходит, он сразу отправится к лорду Рейвенвуду и положит конец безобразию.

Амелия залилась слезами.

– Именно поэтому я и постаралась, чтобы мой любовник не узнал, кто мой дедушка. О Софи! Разве ты не понимаешь! Я как раз боюсь, что, если мой возлюбленный обнаружит, что я Дорринг и наш дед такой давний сосед Рейвенвуда, он больше никогда не захочет со мной встречаться.

– Так ты предпочитаешь, чтобы твой любовник издевался над тобой? Лишь бы не раскрылось, кто ты? – не веря своим ушам, спросила Софи.

– Ты не знаешь, что такое любить, – прошептала Амелия и, пока не заснула, сотрясалась от рыданий.

Софи прекрасно сознавала, как ошибалась Амелия. Она знала, что такое любить, но пыталась совладать с опасными эмоциями. Она-то уж постарается не повторять ошибок бедной Амелии.

Софи молча сдерживала беспокойство по поводу увлечения Джулиана портвейном, которое росло от вечера к вечеру. Но наконец она не выдержала.

– Милорд, у вас проблемы со сном? – спросила Софи.

Шла вторая неделя после свадьбы. Она сидела перед камином в малиновой гостиной. Джулиан наливал себе второй большой бокал вина.

Он искоса посмотрел на нее:

– Почему вас это интересует?

– Прошу прощения, но я замечаю, что ваше пристрастие к вину растет с каждым днем. Люди часто используют шерри, портвейн или кларет, чтобы спастись от бессонницы. У вас вошло в привычку так много пить по вечерам?

Он побарабанил пальцем по ручке кресла и пристально посмотрел на нее.

– Нет, – наконец произнес он и залпом выпил половину бокала. – А вас это беспокоит?

Софи опустила глаза на свое вышивание.

– Если вы плохо спите, то есть более действенные средства. Бесс научила меня.

– Вы хотите предложить мне настойку опия?

– Нет, это слишком сильное средство. Сначала можно попробовать другие. Пожалуй, я приготовлю отвар. Я привезла с собой травы.

– Спасибо, Софи. Я лучше доверюсь своему портвейну. Я понимаю его, а он понимает меня.

Брови Софи изогнулись дугой.

– Что значит – понимает меня?

– Вы хотите, чтобы я был откровенен, мадам жена?

– Конечно. – Она удивилась такому вопросу. – Вам известно, что я предпочитаю доверительный разговор, без утайки. Это вам трудно говорить откровенно на такие темы, а не мне.

– Тогда я честно предупреждаю: причина моей бессонницы – не тот вопрос, который вам хотелось бы обсудить.

– Чепуха! Если вы плохо спите, уверена, найдутся средства получше портвейна.

– Вполне с вами согласен. Но все дело в том, моя дорогая, захотите ли вы дать мне такое средство.

Насмешка в его голосе заставила ее вздернуть подбородок. Она посмотрела прямо в его сверкающие зеленые глаза. И вдруг ее осенило.

– Ах, понятно, – заставила она себя произнести спокойно. – Я не подумала, что наше соглашение может вызвать такие физические трудности.

– В таком случае вы постараетесь освободить меня от данного слова?

Шелковая нитка в ее руках порвалась от натяжения, но Софи не отрывала невидящего взгляда от болтающихся концов.

– Я думала, вы уже успокоились, милорд, – проговорила она сдержанно.

– Вижу, вам здесь нравится, в Эслингтон-Парке, не так ли?

– Да, очень, милорд.

– И мне тоже. Но в то же время меня очень утомил наш медовый месяц. – Он допил остатки портвейна. – Чертовски утомил. Дело в том, Софи, что мы находимся в совершенно противоестественной ситуации.

Она вздохнула с глубоким сожалением:

– Не следует ли отсюда, что вы намерены сократить наш медовый месяц?

Пустой хрустальный бокал треснул, сжатый в его руке. Граф выругался и стряхнул осколки с ладони.

– Из этого следует, – сделал мрачный вывод Джулиан, – что я хотел бы нормальных брачных отношений. И по обязанности и по желанию я на этом настаиваю.

– Неужели вам так не терпится произвести на свет наследника?

– Сейчас я не думаю о наследнике. Я думаю о нынешнем графе Рейвенвуде. И также о нынешней графине Рейвенвуд. Вам не понять моих страданий, Софи, только потому, что вы еще не знаете, что упускаете.

Софи вспыхнула:

– Нет нужды в столь презрительном снисхождении, милорд. Я деревенская девушка и росла рядом с животными. Меня просили помогать при родах, и мне доподлинно известно, что происходит между мужем и женой. И, честно говоря, я вовсе не считаю, что лишаюсь чего-то возвышенного.

– А я и не имею в виду какие-то радости ума, мадам. Я имею в виду чисто физические.

– Что-то вроде верховой езды? Пожалуй, от нее больше пользы. Когда скачешь верхом, непременно добираешься до нужного места.

– Наверное, настало время, чтобы вы наконец поняли, в какое место вам пора приехать. И оно вас ждет. Это спальня, моя дорогая.

Джулиан уже стоял на ногах и, прежде чем Софи поняла, что происходит, потянулся к ней. Он вырвал вышивание из ее рук и отбросил в сторону. Затем обнял ее и требовательно притянул к себе. Взглянув на его напряженное лицо, она поняла, что на этот раз ее ждет не воркование и легкий поцелуй в щечку со словами: «Спокойной ночи».

Испугавшись, Софи уперлась руками ему в плечи:

– Прекратите, Джулиан. Я повторяю: не хочу, чтобы меня обольстили.

– Напротив, я просто обязан вас обольстить. Предложенный вами проклятый договор слишком тяжкий груз для меня, малышка. Сжальтесь над своим несчастным мужем. Я умру от полного изнеможения, если придется ждать три месяца! Софи, довольно противиться.

– Джулиан, ну, пожалуйста…

– Тише, моя радость. – Он провел пальцем по контуру ее мягких губ. – Я дал вам слово. Я его сдержу. Я сдержу клятву, даже если умру. Но у меня есть право попытаться заставить вас изменить свое мнение, и я намерен это сделать. За десять дней вы могли бы уже привыкнуть к своей новой роли жены. Это на девять дней больше, чем позволяет любой другой мужчина в подобной ситуации.

Он вдруг жадно и требовательно прижался к ее губам. Софи не ошиблась. Этот поцелуй совсем не походил на прежние, которых она ждала каждый вечер. Этот был жаркий и сильный. Она чувствовала, как смело его язык проник в ее рот. На мгновение тяжелая опьяняющая волна блаженства прошла по всему ее телу, но Софи, различив вкус портвейна в его дыхании, инстинктивно начала сопротивляться.

– Не двигайтесь, – пробормотал Джулиан, гладя ее широкой ладонью. – Только не двигайтесь и позвольте мне целовать вас. Это все, чего я сейчас хочу. Я хочу освободить вас от некоторых наивных страхов.

– А я и не боюсь вас, – быстро возразила она, совершенно испугавшись силы его рук. – Но я против того, чтобы уединенность моей спальни была нарушена мужчиной, которого я все еще воспринимаю как чужого.

– Но мы больше не чужие, Софи. Мы муж и жена. И нам пора стать любовниками.

Он снова прижался губами к ее губам, заглушив ее протесты. Джулиан целовал ее страстно, как бы впечатываясь в ее губы, пока Софи не задрожала. Как всегда в его объятиях, она замерла от какой-то странной слабости. Его руки скользнули ниже, лаская и прижимая ее к своему телу. Она ощутила его восставшую плоть и… в страхе вздрогнула.

– Джулиан? – Софи вопросительно посмотрела на него широко открытыми глазами.

– Вы ждали иного? – улыбнулся он с усмешкой. – В этом смысле мужчины не отличаются от животных. Вы сами, помнится, утверждали, что прекрасно разбираетесь в таких делах.

– Милорд, нельзя же запирать овцу и барана в одном загоне.

– Я очень рад, что вы это понимаете.

Он не отпустил ее, когда она попыталась высвободиться, обхватил широкими ладонями ее бедра и еще теснее прижал к себе.

У Софи закружилась голова, когда она уже безошибочно почувствовала его непреодолимое желание. Ее юбки обвились вокруг его ног и накрыли икры. Он раздвинул свои колени и заключил ее между ними, как в клетку.

– Софи, малышка. Софи, моя дорогая. Разрешите мне… Должна же торжествовать справедливость…

Мольба, страстные и настойчивые поцелуи в подбородок, в шею, в оголенное плечо…

И Софи ответила ему. Она чувствовала себя морем: то прилив, то отлив. В конце концов, она ведь так давно любит Джулиана. И искушение сдаться наконец под его чувственным напором, отдаться той сладостной волне, которую он в ней поднял, было уже невыносимым. Бессознательно она обвила его шею руками и раскрыла губы навстречу его страстным поцелуям. За последние дни она многому научилась в искусстве поцелуя.

Второго приглашения Джулиану не требовалось. Удовлетворенно застонав, он снова впился в нее губами. Он нежно положил ладонь на ее грудь, большим пальцем поглаживая напрягшийся под тонким муслином сосок.

Софи не слышала, как дверь гостиной за ее спиной отворилась, не слышала, как кто-то испуганно вскрикнул от неловкости и дверь быстро захлопнулась. Джулиан поднял голову и раздраженно посмотрел на дверь. Очарование момента разрушилось безвозвратно.

Софи покраснела, догадавшись, что кто-то из слуг стал свидетелем страстного поцелуя. Она поспешно отступила назад. Джулиан отпустил ее, слегка улыбаясь. У нее был растрепанный вид, она подняла руку к волосам, которые были в полном беспорядке. Несколько локонов выбились из прически, а ленточка, которую горничная так тщательно завязала перед обедом, болталась где-то на затылке.

– Я… Прошу прощения, я должна пойти наверх. Мне надо привести себя в порядок. – И, резко повернувшись, Софи быстро побежала к двери.

– Софи!

Бутылка звякнула о бокал.

– Да, милорд. – Она остановилась, и ее рука задержалась на ручке двери. Софи бросила на мужа настороженный взгляд.

Джулиан стоял у камина, небрежно облокотившись о белую мраморную доску. Он держал полный бокал портвейна. Софи еще больше разволновалась, заметив чисто мужское удовлетворение в его глазах. Его губы изогнулись в улыбке, не скрывавшей обычной надменности. Сейчас он был слишком в себе уверен… нет, даже самоуверен.

– Обольщение не такое уж страшное дело, в конце концов, а, моя дорогая? Вы убедитесь в этом, и уверен, вам понравится. Для того чтобы вы это поняли, прошло достаточно времени.

Так ли было с бедняжкой Амелией? Она ощущала себя полностью опустошенной. Софи пальцем коснулась нижней губы:

– Поцелуи, которыми вы только что осыпали меня, это и есть ваш способ обольщения, милорд?

Он наклонил голову, его глаза удивленно сверкнули.

– Надеюсь, они вам понравились, Софи. У нас впереди будет еще много таких поцелуев. Начиная с сегодняшней ночи. Отправляйтесь в свою спальню, дорогая. И ждите меня. Сегодня я наконец соблазню вас. Это будет наша настоящая брачная ночь. Поверьте, моя любовь, завтра утром вы будете благодарить меня за то, что я наконец покончил с той глупой ситуацией, в которой мы оказались по вашей милости. И я с большим удовольствием приму от вас эту благодарность.

Софи охватила ярость, смешанная с другими, не менее бурными чувствами. От бешенства она не могла вымолвить ни слова. Она резко толкнула тяжелые двери и кинулась к лестнице. Она влетела в свою спальню, напугав горничную, готовившую постель.

– Миледи, что-то случилось?

Софи взяла себя в руки.

– Нет, нет, Мэри, ничего не случилось. Просто я слишком быстро шла по лестнице. Вот и все. Помоги мне, пожалуйста, с платьем. – Софи тяжело дышала.

– Конечно, мадам.

Мэри, юная девушка с яркими блестящими глазами, которой еще не было двадцати, пребывала в восторге от своего головокружительного продвижения – она стала горничной мадам! Мэри быстро подбежала и помогла мадам снять вышитое муслиновое платье.

– Мэри, принеси, пожалуйста, чай.

– Конечно, миледи.

– Да, Мэри, на этот раз две чашки, – глубоко вздохнув, сказала Софи. – Вторую для графа.

Глаза Мэри засветились интересом, но у нее хватило ума придержать язык. Она помогла Софи облачиться в шелковый пеньюар.

– Я сейчас же принесу чай, мадам. И кстати, одна из горничных жаловалась на недомогание. Видимо, легкое отравление. Она просила узнать у вас, чем ей полечиться.

– Что? Ах да, конечно… – Софи порылась в своем саквояже с травами и быстро отсыпала в маленькие пакетики порошки лакрицы и ревеня. – В чашку чая надо бросить по две щепотки того и другого, должно помочь. Если к утру ей не станет лучше, скажи мне.

– Вы так добры, мадам. Элис вам будет очень признательна. Она так мучается животом. Да, Аллан, слуга, просил вам передать, что горло у него почти прошло благодаря сиропу из меда и бренди. Его по вашему совету приготовил повар.

– Прекрасно, я очень рада, – нетерпеливо проговорила Софи. Сейчас ей меньше всего хотелось обсуждать состояние горла слуги Аллана. – А теперь, Мэри, пожалуйста, поторопись с чаем.

– Да, да, мадам. – И Мэри выбежала из комнаты.

Софи принялась расхаживать из угла в угол. Мягкие туфельки бесшумно ступали по темному пестрому ковру. Она заметила, что кружевная отделка пеньюара отпоролась и повисла над грудью.

Невыносимый, невероятно надменный человек. И за него она вышла замуж! Он думает, стоит ему дотронуться до нее, как она упадет в его объятия. И он будет вот так ее поддразнивать, пока не добьется своего. Софи прекрасно понимала его намерения. Видимо, мужская гордость требует поскорее увлечь ее в постель.

Джулиан не успокоится до тех пор, пока не докажет свои права на нее. Таким образом, у нее не будет возможности потрудиться над созданием гармоничных отношений в семье, о которых она так мечтала. Джулиан намерен во что бы то ни стало и не теряя времени соблазнить ее.

Софи резко остановилась: а удовлетворится ли граф Рейвенвуд только одной победной ночью? Ведь Джулиан в нее не влюблен. Она прекрасно сознавала, какой вызов ему бросает: жена отказывает в привилегии, которая – он, как муж, уверен в этом – принадлежит ему по праву. Но если он будет считать, что наконец доказал и себе, и ей свою способность соблазнить жену, возможно, тогда он оставит ее в покое?

Софи быстро подошла к изящному шкафчику, где хранились ее снадобья, и обвела взглядом ровные ряды маленьких деревянных подносиков и ящичков. Ее трясло от гнева, страха и других чувств, которые сейчас она не способна была объяснить. У нее мало времени, через несколько минут сюда явится Джулиан, обнимет ее, будет ласкать так же, как ласкал балерин и актрис и еще черт знает кого…

Отворилась дверь, и в спальню вошла Мэри с серебряным подносом в руках.

– Ваш чай, мадам. Что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, Мэри. Можешь идти, – сказала Софи, изобразив на лице улыбку.

Но глаза Мэри разгорелись еще ярче. Она присела в легком реверансе, после чего удалилась.

Софи была уверена, что слышала сдавленный хохоток в прихожей. Вероятно, слуги знают все, что здесь происходит, промелькнуло в голове Софи. Неужели горничной известно и о том, что Джулиан не провел еще ни одной ночи с женой? Эта мысль показалась ей оскорбительной.

Софи пришло в голову, что раздражение Джулиана отчасти объясняется тем, что все слуги оживленно обсуждают, почему новая жена не приглашает хозяина к себе в спальню.

Софи не позволила своему сердцу уступить жалости. Она не собиралась сдаваться ради удовлетворения мужской гордости Джулиана. Гордости у него хоть отбавляй. Она взяла щепотку душицы и другой, более сильной травы и умело смешала их в чайнике для заварки.

Потом села, поскольку не могла стоять из-за сотрясавшей ее нервной дрожи. Ей не пришлось долго ждать неизбежного. Дверь между спальнями тихо отворилась, Софи вздрогнула. Джулиан стоял в черном шелковом халате с вышитым гербом графства Рейвенвуд. Он смотрел на нее с насмешливой улыбкой.

– Вы слишком волнуетесь, моя дорогая, – нежно сказал он, неслышно прикрывая дверь. – Так бывает всегда, когда долго откладываешь дела на завтра. Вы раздули все до ужасающих размеров. Но к утру все вернется на круги своя, как и должно быть.

– В последний раз прошу вас, Джулиан, не требуйте невозможного. Не настаивайте… Вы нарушаете если не букву, то дух нашего соглашения.

Улыбка сошла с лица Джулиана, взгляд его потяжелел. Он засунул руки в карманы халата и принялся медленно расхаживать по комнате.

– Лучше не будем обсуждать мою честь. Уверяю вас, для меня это слишком серьезно, и я еще ни разу не запятнал ее.

– Значит, у вас собственное представление о чести, милорд.

Он сердито посмотрел на нее:

– Я гораздо лучше вас знаю, что такое честь. И что входит в это понятие.

– А я не могу верно определить, что входит в это понятие, лишь потому, что я женщина?

Он расслабился, и снова на его губах заиграла усмешка.

– Вы не просто женщина, моя любовь. Вы самая необыкновенная женщина в мире. Я даже не предполагал, когда просил вашей руки, что получу такую изумительную жену, словно сотканную из противоречий. Кстати, у вас на пеньюаре кружева болтаются.

Софи стало неловко. Внутри что-то сжалось, когда она увидела, что оторванные кружева висят над грудью. Она попыталась поправить их, но безуспешно. Подняв взгляд, она обнаружила, что ей приходится смотреть на Джулиана сквозь выбившиеся из прически локоны. В раздражении Софи заправила локон за ухо и решительно поднялась:

– Не хотите ли чаю, милорд?

Поощряющая улыбка разлилась по его лицу, глаза Джулиана стали совсем зелеными.

– Спасибо, Софи. После портвейна, который я позволил себе за ужином, чашка чая не помешает. Мне совсем не хочется попасть в объятия Морфея в самый неподходящий момент. Иначе вы окончательно во мне разочаруетесь.

Надменный мужлан, подумала она, трясущимися руками наливая ему заварку. Он понял ее предложение как добровольную сдачу. Несомненно. Джулиан принял из рук жены чашку с таким видом, будто она вручала полководцу на поле битвы меч победителя.

– Какой изумительный аромат. Это ваш собственный рецепт, Софи? – Джулиан отхлебнул и снова прошелся по комнате.

– Да… – Казалось, слово застряло у нее в горле. Она пристально следила за ним – он сделал еще глоток. – Душица и… еще кое-какие цветы. Очень успокаивает

нервы.

Джулиан с отсутствующим видом кивнул.

– Прекрасно. – Он остановился перед столиком из розового дерева, пробежав глазами по аккуратно расставленным книгам. – Книги, которые читает моя ученая жена. Что ж, посмотрим, насколько ваш вкус достоин сожаления. – Он взял одну, потом другую – в кожаных переплетах. Отпил еще чаю, изучая названия. – Вот как: Вергилий, Аристотель в переводе. Книги достаточно серьезные для среднего читателя. И не такие ужасные. Я тоже читаю подобную литературу.

– Я рада, что вы одобряете мои увлечения, – напряженно проговорила Софи.

Он удивленно посмотрел на нее:

– Вы признаете мою покладистость, Софи?

– Да, вы очень покладисты.

– Вообще-то снисходительность мне не свойственна. Но мне просто интересно знать о вас все. – Он поставил книги классиков на место. – Так, что у нас еще здесь? «Естествознание» Уэсли. Довольно старая книга, по-моему?

– Прекрасная книга о травах, милорд. Там очень много сведений об английских травах. Эту книгу подарил мне дедушка.

– Ах да, травы… – Он положил книгу и взял следующую, сдержанно улыбаясь. – Прекрасно, наконец вижу романтическую чепуху лорда Байрона, проникшего даже в деревню. А как вам нравится Чайльд Гарольд, Софи?

– Очень интересно. А вам, милорд?

Он ответил улыбкой на открытый вызов:

– Признаюсь, почитывал. И должен сказать, что этот человек скорее всего герой мелодрамы. На мой взгляд, он из нескончаемой череды мелодраматических

глупцов. Боюсь, мы еще что-нибудь услышим от этих байроновских тоскующих героев.

– По крайней мере Байрон не скучен. Насколько я знаю, сейчас лорд Байрон очень моден в Лондоне, – проговорила Софи, как бы пытаясь нащупать, не сойдутся ли их интеллектуальные интересы.

– Если вы под этим подразумеваете, что женщины буквально бросаются ему на шею, – я согласен. Любого мужчину просто затопчут тысячи маленьких хорошеньких ножек, если такой идиот осмелится появиться на сборище, где присутствует Байрон. – Но Джулиан явно не завидовал поэту, феномен Байрона его просто удивлял. – А что еще на вашей полке? Какие-то тексты по математике?

Софи чуть не поперхнулась, увидев, какую книгу он держит в руках.

– Не совсем, милорд.

Внезапно снисходительное выражение исчезло с лица Джулиана.

– Уоллстоункрафт. «Защита прав женщин»?

– Вы не ошиблись, милорд.

Он поднял глаза от книги и посмотрел на нее, словно прозрев:

– Так вот какие книги вы читаете? Эту смешную чепуху, изложенную женщиной, которая ничем не лучше уличной потаскушки?

– Мисс Уоллстоункрафт не была… потаскушкой! – горячо возразила Софи. – Она свободный мыслитель. Умная женщина, очень способная.

– Она была куртизанкой. Открыто жила с несколькими мужчинами, не оформляя брак.

– Она чувствовала, что брак – западня. Выходя замуж, женщина полностью попадает под власть мужа. У нее нет никаких прав. И мисс Уоллстоункрафт

чувствовала, что такие порядки надо менять. И я с ней полностью согласна. Вы утверждаете, что хотите понять меня. В таком случае вам надо побольше узнать и о моих интересах. Прочитайте Уоллстоункрафт, милорд.

– Я не собираюсь читать идиотскую писанину. – Джулиан отшвырнул книгу в сторону. – И более того, моя дорогая, я не собираюсь позволять вам отравлять мозги писаниной женщины, которую вообще-то следовало запереть в бедламе, оградить от общества или отправить на Тревор-сквер к профессиональным куртизанкам.

Софи едва сдержалась, чтобы не швырнуть в него свою полную чашку чая.

– Мы заключили договор о моем свободном выборе книг, милорд. Вы собираетесь и его нарушить?

Джулиан одним глотком допил чай, поставил чашку на блюдце и решительно направился к ней. Его лицо пылало холодной яростью.

– Еще одно обвинение в нарушении слова чести, мадам, и я не отвечаю за последствия. Я и так достаточно натерпелся от того фарса, который вы именуете медовым месяцем. Пришло время поставить все на свои места. Я довольно долго потакал вам, Софи. Сейчас вы наконец станете настоящей женщиной – и в спальне, и за ее пределами. Вы будете прислушиваться к моему мнению во всем, даже в том, что читать, а что нет.

Чашка на блюдце опасно зазвенела, когда Софи вскочила на ноги. Непослушный локон снова вырвался из прически. Она попятилась назад, и каблучок домашней туфельки зацепился за кайму пеньюара. Раздался треск – тонкая ткань порвалась.

– Только посмотрите, что вы наделали! – воскликнула она.

– Я еще ничего не сделал. – Джулиан встал перед ней, разглядывая ее возмущенное лицо. Его взгляд потеплел. – Успокойтесь, у вас такой вид, будто вы доблестно сражаетесь за свою женскую честь. – Он поднял руку и, нежно коснувшись ее локона, пропустил его между пальцами. – Как это вам удается, Софи? – тихо спросил он.

– Что удается?

– Да ни одна из знакомых мне женщин не способна добиться такого обворожительного беспорядка в своей внешности. У вас всегда что-то – или ленточка, или кружево – откуда-то свисает, или же локоны выбиваются из прически.

– Для вас не является секретом, что я не склонна к женским уловкам, и вы знали об этом, когда делали мне предложение, милорд.

– Да, конечно. Я же не ругаю вас за этот беспорядок. Просто удивляюсь, как вам это удается, и так безыскусно. – Он потянулся к ее волосам, освободил их от заколок.

Софи напряглась, когда другой рукой он обвил ее талию, притянул к себе. В смятении она спрашивала себя, сколько еще понадобится времени, чтобы чай подействовал на Джулиана. Он, кажется, не собирался засыпать.

– Окажите любезность, Джулиан…

– Я стараюсь быть любезным, – пробормотал он ей на ушко. – Я не хочу ничего больше, чем быть любезным с вами сегодня ночью. И предлагаю вам расслабиться и позволить мне доказать, что быть женой не так уж плохо.

– Я все же должна настаивать на условиях нашего договора.

Она попыталась спорить, но так волновалась, что не могла даже стоять на ногах. Она вцепилась в плечи Джулиана, с ужасом соображая, что же ей делать, если она вдруг по оплошности, второпях, смешала не те травы.

– Завтра утром вы даже не вспомните о нашем глупом договоре, – пробормотал Джулиан, впиваясь в ее губы долгим пьянящим поцелуем. Его руки нащупали завязки на пеньюаре.

Когда пеньюар начал медленно сползать с плеч, Софи резко рванулась. Она уставилась в разгоряченное лицо Джулиана, пытаясь заметить признаки сонливости.

– Джулиан, можете ли вы подарить мне еще несколько минут? Я не допила чай. Почему бы и вам не выпить еще чашку?

– Не надейтесь, моя сладость. Вы ведь пытаетесь только отсрочить неизбежное. Но уверяю вас, это неизбежное окажется весьма приятным для нас обоих. – Его руки ласкали ее тело, замерли на талии, потом спустились на бедра, натягивая ткань шелковой сорочки. – Как приятно, – прошептал он, и его голос стал хриплым, когда он нежно сжал ее бедра.

Софи запылала под его напряженным взглядом. Желание, исходившее от мужчины, гипнотизировало. Еще никогда в жизни мужчина не смотрел на нее так, как сейчас Джулиан. Она чувствовала его силу, у нее слегка закружилась голова, будто она сама выпила чай из трав…

– Поцелуйте меня, Софи, – требовательно попросил Джулиан, приподняв пальцами ее подбородок.

Она послушно подняла голову, встала на цыпочки и нежно скользнула губами по его рту. «Ну сколько еще ждать?» – нетерпеливо спрашивала она себя.

– Еще раз, Софи.

Ее пальцы вцепились в ткань его халата, когда она еще раз коснулась губами его губ. Он был горячий, сильный, и ему так трудно противостоять. Ведь она могла бы провести всю ночь, тесно прижавшись к нему, как сейчас, но она понимала, что он будет настаивать на большем, чем поцелуи.

– Уже лучше, моя дорогая, моя сладкая… – Его голос становился все более хриплым. Действие снотворного? Или желания? – Как только мы поймем друг друга, нам будет хорошо, Софи.

– Вы так же поступали со своей любовницей? – храбро спросила Софи.

Его лицо напряглось.

– Я несколько раз предупреждал вас не упоминать об этом.

– Вы меня все время предупреждаете о чем-то, Джулиан. Я устала от ваших предупреждений.

– Неужели? Возможно, вам пора понять, что я способен не только на слова, но и на действия.

Он взял ее на руки и понес к кровати, бережно положил ее на постель. Она торопливо поправила задравшуюся ночную сорочку. Подняв глаза, увидела, что Джулиан не сводит глаз с ее груди: очертания ее сосков проступали сквозь полупрозрачную ткань.

Джулиан сбросил халат, скользя взглядом по ее телу.

– Какие красивые ноги. Я уверен, что все остальное не хуже.

Но Софи уже не слушала. Она с удивлением рассматривала его обнаженную фигуру. Ей никогда не приходилось видеть обнаженного мужчину, да еще в боевой готовности к занятию любовью. Это зрелище было ошеломляющим и захватывающим. Она считала себя довольно зрелой и хорошо осведомленной, не то что несмышленые девицы, падающие в обморок по малейшему поводу. Она, как не раз напоминала Джулиану, росла в деревне. Но орудие Джулиана, воинственно угрожающее из-за черных завитков, казалось огромным. Кожа на его плоском животе была натянута, широкую грудь покрывала густая поросль. Софи понимала, что ему не составит труда с ней справиться.

В пламени свечи Джулиан выглядел очень опасным. Но его мужская дикая сила приводила Софи в волнение и трепет.

– Джулиан, нет, – быстро проговорила она. – Пожалуйста, не делайте этого. Вы дали мне слово.

Страсть в его глазах сменилась гневом. Он произнес нетвердым голосом:

– Черт побери, Софи, я был чрезвычайно терпелив. Не говорите мне больше ни слова о нашем так называемом соглашении. Я не собираюсь его нарушать.

Он опустился на кровать, потянулся к ней, большие сильные руки схватили ее за плечи. Наконец она заметила, как его взгляд подернулся туманом, и поняла, что он вот-вот уснет. Но облегчения не почувствовала.

– Софи, – продолжал он полусонно. – Какая мягкая, какая сладкая. Вы моя… – Длинные темные ресницы медленно опустились, скрывая смущение в глазах Джулиана. – Я позабочусь о вас, я не позволю, чтобы вы ускользнули от меня, как та дрянь, Элизабет. Скорее я задушу вас.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее. Софи напряглась, но он не дотронулся до ее губ, со стоном рухнув на подушку. Его сильные пальцы не отпускали ее еще несколько секунд, потом разжались.

Сердце Софи билось часто-часто, пока она лежала рядом с Джулианом. Какое-то время она боялась шевельнуться. Наконец успокоившись и убедив себя, что он не проснется – вино и травы заставят его проспать до самого утра, – Софи выбралась из постели, не спуская глаз с величественной фигуры Джулиана. Он выглядел сильным и грозным на нежных белых простынях.

Что она наделала! Стоя у кровати, Софи попыталась собраться с мыслями. Сейчас было невозможно сказать с определенностью, что вспомнит Джулиан утром. Гнев мужа будет ужасным, если он поймет, что жена опоила его. Поэтому надо убедить Джулиана, что он достиг своей цели.

Софи порылась в своем аптекарском хозяйстве. Однажды Бесс рассказывала ей, что, после того как женщина впервые занимается любовью, появляется кровь. Особенно если мужчина не очень заботлив и нежен. Джулиан утром будет искать кровь на простыне – свидетельство того, что он исполнил обязанности мужа.

Софи смешала красноватые листья травы с чаем. Потом с сомнением оценила свою работу. Цвет был подходящий, но очень бледный. Плеснула на простыню. Не очень-то убедительно, – может, из-за того, что ткань сразу же промокла. Она добавила жидкости на простыню, где только что лежала. Ткань снова промокла, и осталось маленькое красноватое пятнышко. Но достаточно ли этого, чтобы успокоить мужчину, жаждущего убедиться в девственности избранницы?

Она напряженно нахмурилась и, решив, что пятнышко слишком маленькое, добавила еще. Рука задрожала, когда она склонилась к кровати, и жидкости пролилось гораздо больше, чем следовало. Испуганно она отступила назад и пролила еще. Теперь мокрое пятно было внушительных размеров. Софи в сомнении покачала головой: не перестаралась ли.

Остатки смеси она вылила в заварочный чайник, задула свечи и осторожно скользнула в кровать рядом с Джулианом, стараясь не касаться его крепких мускулистых ног. И ей не оставалось ничего другого, как попытаться заснуть в ею же сотворенной большой луже на простыне.

Глава 4

Джулиан услышал, как открылась дверь и в спальню проникли приглушенные женские голоса. Дверь снова закрылась, и он уловил веселое дребезжание подноса с завтраком, который опустили рядом с кроватью на столик. Он медленно пошевелился, чувствуя необычную сонливость. Во рту был отвратительный привкус. Он нахмурился, пытаясь вспомнить, сколько портвейна выпил прошлым вечером.

С большим усилием он открыл глаза и в первый момент ничего не мог понять. Похоже, стены его комнаты перекрасили за ночь. Он уставился на незнакомые китайские узоры и долго смотрел на них, пока память медленно возвращала к нему события прошлой ночи.

Джулиан лежал в постели Софи. Он медленно приподнялся на подушке, ожидая, что представшая перед ним картина вызовет приятные воспоминания. Но ничего не приходило на ум: мешала непроходящая раздражающая боль в голове. Он снова нахмурился и потер виски.

Не может быть, чтобы он не помнил, как занимался любовью со своей женой! Хотя его слишком долго продержали в болезненной готовности к этому – он страдал почти десять дней в ожидании счастливого момента. И уж конечно, результат должен был вызвать у него самые приятные воспоминания. Он обвел взглядом комнату и увидел у гардероба Софи. Она стояла к нему спиной в том же пеньюаре, что и накануне вечером. Он улыбнулся, заметив, что кружевная

оборка ее сорочки подвернулась под воротничок. Джулиан испытал сильное желание подойти к ней и поправить оборку, но потом решил, что лучше вообще снять с нее пеньюар и вернуть ее в постель.

Он попытался вспомнить, как выглядят ее маленькие нежные груди в свете свечей, но единственное, что у него возникло перед глазами, – это темные напрягшиеся соски под мягкой тканью шелковой ночной рубашки.

Подталкивая свою память дальше, он вдруг обнаружил, что помнит, как его жена лежала в постели в ночной рубашке, как обнажились ее стройные изящные ножки, и он вспомнил, какое волнение испытал при мысли, как они могли бы обхватить его бедра.

Он вспомнил также, как сбросил с себя халат, почувствовав безумное желание. В глазах Софи стоял ужас, когда она смотрела на него. Он разозлился, подошел к кровати, сел рядом с ней, полный решимости переубедить ее и заставить принять его. Она была насторожена, и беспокойство застыло в ее глазах, но он знал, как убедить ее расслабиться и насладиться его ласками. Она уже отвечала ему взаимностью.

Он помнил, как потянулся к ней и…

Джулиан потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Конечно, он не мог опозориться, не справившись с обязанностями мужа. Ему просто необходимо было сделать Софи своей, и не мог же он, в конце концов, заснуть на полпути, независимо от количества выпитого портвейна.

Ошеломленный провалами своей памяти, Джулиан попытался выбраться из-под одеяла. И вдруг увидел на простыне большое пятно, высохшее за ночь. Он с облегчением улыбнулся. Конечно, он должен был его увидеть. Нет, он не опозорился!

Но минутой позже к удовлетворению примешалось некоторое сомнение. Красно-коричневое пятно на постели было слишком большим.

Невозможно большим.

Чудовищно большим.

Что же он такое сотворил со своей хрупкой нежной женой? Джулиан только раз овладевал девственницей – в первую брачную ночь с Элизабет. За все последние горькие годы ему больше не представилось случая, так что нечего было вспомнить и не с чем сравнить.

Он слышал мужские разговоры и знал, что обычно женщина не истекает кровью, как зарезанный теленок. Иногда вообще крови не бывает. Но чтобы вызвать такое кровотечение, мужчина должен был растерзать женщину. Видимо, он причинил очень много боли, если появилось такое пятно.

Тошнотворный спазм сжал горло Джулиана, пока он рассматривал ужасное свидетельство своего зверства. И вдруг он вспомнил свои слова: «Ты поблагодаришь меня утром».

Боже мой! Ни одна женщина, пострадавшая подобно Софи, не стала бы благодарить мужчину, который столь жестоко ее ранил. Она должна его возненавидеть. Джулиан закрыл глаза, отчаянно пытаясь вспомнить, что же он с ней вытворял. Но никакой картины не возникало в затуманенном мозгу. Однако нельзя же отрицать очевидное. Он снова открыл глаза.

– Софи! – Голос прозвучал неуверенно даже для самого Джулиана.

Софи вздрогнула, точно он ударил ее хлыстом. Она повернула к нему лицо с таким выражением, что Джулиан стиснул зубы.

– Доброе… доброе утро, милорд. – Она смотрела на него широко открытыми, полными смущения глазами.

– Я понимаю, предполагалось, что сегодняшнее утро должно быть намного лучше, чем есть. Во всем виноват я.

Он потянулся за халатом. Ему понадобилось время, чтобы надеть его, при этом он лихорадочно соображал, как с честью выйти из положения. Вряд ли она сейчас в состоянии выслушивать объяснения. Боже, когда же наконец прекратится мучающая его головная боль.

– Я думаю, слуга вам уже все приготовил для бритья.

Джулиан оставил без внимания ее слова.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – тихо спросил он.

Он подошел к жене и остановился, когда она вдруг отшатнулась. Но, упершись спиной в гардероб, она не могла отступать дальше, хотя в ее глазах читалось именно такое желание. Она замерла, уцепившись за расшитую муслиновую юбку, и взволнованно смотрела на него.

– Со мной все хорошо, милорд.

Джулиан с силой втянул воздух.

– Софи, малышка, что такое я сотворил с тобой? Что наделал? Неужели я был ночью таким ужасным монстром?

– Вода для бритья стынет.

– Софи, меня не волнует вода для бритья. Меня волнует твое самочувствие.

– Я сказала уже, что со мной ничего не случилось. Пожалуйста, Джулиан, мне надо одеться.

Он застонал и придвинулся к ней, не обращая внимания на попытки Софи избежать его прикосновений. Он мягко взял ее за плечи и заглянул в испуганные глаза:

– Мы должны поговорить.

Она облизала губы.

– Вы не удовлетворены, милорд? Я надеялась, что наконец-то вы успокоитесь.

– Бог ты мой, – выдохнул он, нежно притянув ее голову к своему плечу. – Могу себе представить, как ты отчаянно надеешься, что я наконец удовлетворен. Не сомневаюсь, ты и думать не хочешь о второй ночи.

– Конечно, милорд, я предпочла бы не иметь второй такой ночи. Пока я жива. – Голос Софи звучал глухо, поскольку она уткнулась в его халат. Он понял, насколько искренне ее желание.

Его мучила вина. Успокаивая, он гладил Софи по спине:

– А если я поклянусь, дам слово чести, что в следующий раз все будет не так плохо?

– Слово чести, милорд?

Он выругался, еще сильнее прижал ее к себе. Он чувствовал ее напряжение, но понятия не имел, как вывести ее из этого состояния.

– Возможно, ты не веришь в мое слово чести, но обещаю, в следующий раз, когда мы займемся любовью, ты не будешь страдать.

– Я даже мысли не допускаю о следующем разе, Джулиан.

Он медленно выдохнул:

– Да, понимаю.

Он почувствовал, как Софи пытается высвободиться из его рук, но не отпускал ее. Он должен найти способ успокоить ее, уверить, что он вовсе не чудовище, каким показался ей прошлой ночью.

– Извини, дорогая, сам не знаю, что на меня нашло. Может показаться странным, но, честно говоря, я даже не помню, что случилось. Поверь, я не хотел причинить тебе боль.

Софи пошевелилась, упираясь ему в плечи:

– У меня нет желания это обсуждать.

– Мы должны. Иначе будет еще хуже. Софи, посмотри на меня.

Она медленно подняла голову, неуверенно взглянула на него из-под ресниц и торопливо отвела взгляд.

– Что вы хотите от меня, Джулиан?

Его руки на миг сжали ее, потом он заставил себя расслабиться.

– Я хочу, чтобы ты простила меня и не злилась из-за проклятой ночи. Конечно, я сейчас прошу слишком многого…

Она прикусила губу:

– Ваша гордость удовлетворена?

– Черт с ней, с гордостью. Я пытаюсь извиниться перед тобой и объяснить, что никогда не будет так… так неприятно. – Проклятие! «Неприятно» – разве этим словом можно объяснить, что она чувствовала прошлой ночью, когда он такое с ней сотворил? – Любовь должна быть приятна и мужчине, и женщине. Любовь – это удовольствие. И я хотел, чтобы ты его испытала. Не знаю, что случилось… видимо, у меня помутился разум. Черт побери, я, наверное, сошел с ума.

– Пожалуйста, милорд. Ваши слова меня ужасно смущают. Неужели мы должны обсуждать случившееся?

– Но пойми, нам просто необходимо все обсудить.

После паузы она осторожно спросила:

– А почему необходимо?

– Софи, ну будь наконец разумной, моя радость. Мы женаты и должны заниматься любовью часто, поэтому у тебя не должно быть страха после первого

опыта.

– Я не хотела бы называть любовью то, что не имеет к любви никакого отношения, – резко ответила Софи.

Джулиан закрыл глаза, пытаясь не терять самообладания. Ничего не поделаешь, он должен проявить терпение по отношению к своей жене. К сожалению, он не мог похвастаться этой чертой своего характера.

– Софи, ты ненавидишь меня?

Она тяжело вздохнула и уставилась в окно.

– Нет, милорд.

– Хорошо, во всяком случае, уже что-то. Немного, но что-то. Проклятие, Софи, что я делал с тобой ночью? Я набросился на тебя? Но клянусь, я ничего не помню после того, как подошел к твоей кровати.

– Я на самом деле не желаю это обсуждать, милорд.

– Да, разумеется.

Он запустил пальцы себе в волосы. Разве можно ожидать, что она сейчас в подробностях опишет все его действия? Он и сам ничего не хотел слышать. Однако ему необходимо знать, что он действительно сделал с ней и как низко может опуститься. Воображение уже начало мучить его.

– Джулиан!

– Вы правы, этому нет прощения, но вчера вечером я выпил слишком много портвейна. Клянусь, я никогда больше не приду к вам в таком скверном состоянии. Этого, конечно, нельзя простить. И все-таки, пожалуйста, простите меня и поверьте, что в следующий раз все будет совсем иначе.

Софи откашлялась.

– Что касается следующего раза…

Он поспешно прервал ее:

– Я понимаю, ты не горишь желанием повторить эту ночь, но не будем торопить события. Мы можем заниматься любовью, Софи. Это для тебя только первый неудачный опыт. Мы можем провести сравнение: допустим, ты упала с лошади, пытаясь научиться ездить верхом. И если снова не сядешь в седло, ты уже никогда не овладеешь искусством верховой езды.

– Я не совсем уверена, что собираюсь им овладеть, – пробормотала она.

– Софи!

– Да, конечно. Но есть маленькая проблема – наследник. Извините, милорд. Я чуть не забыла о ребенке.

Он проклинал себя.

– Да не думаю я о наследнике! Я думаю о тебе! – простонал он.

– Наш договор заключен на три месяца, – тихо напомнила Софи. – Можем ли мы вернуться к первоначальному сроку?

Джулиан выругался про себя.

– Сомневаюсь, что это будет лучший выход. Твоя естественная неловкость за три месяца вырастет до чудовищных размеров. Софи, я тебе объяснил, что самое страшное позади. Зачем возвращаться к глупому договору?

– Да, именно. Особенно после того, как вы достаточно ясно дали понять, что у меня слишком мало средств добиваться выполнения нашего соглашения. – Она высвободилась из его объятий и подошла к окну. – Вы были совершенно правы, милорд, утверждая, что у женщины очень мало прав в браке. Она может положиться только на слово чести мужа-джентльмена.

Новая волна неловкости и чувства вины накрыла его с головой. Но когда вынырнул из нее, он скорее предпочел бы оказаться перед лицом дьявола, чем перед Софи. По крайней мере он мог бы защищаться.

Его положение казалось невыносимым. Остается одно достойное решение, и следует выбрать именно его, даже если уверен, что этим все осложнится еще больше.

– А могла бы ты вновь поверить моему слову, если я соглашусь вернуться к трехмесячному сроку нашего договора? – глухо проговорил Джулиан.

Она быстро глянула на него через плечо:

– Да. Я могла бы вам поверить, если вы пообещаете не обольщать меня и не применять насилие.

– Я хотел тебя обольстить, это верно. Однако сегодня ночью я применил насилие. Совершенно справедливо, ты можешь теперь расширить границы своих требований. Ну что ж, Софи, я согласен. Хотя мой внутренний голос подсказывает, что этого не следует делать, я все-таки не в силах отказать тебе в праве настаивать на отсрочке.

Софи наклонила голову и сцепила перед собой пальцы:

– Благодарю вас, милорд.

– Не стоит благодарности. Поверь, я совершаю серьезную ошибку. Что-то здесь не так. – Он потряс головой, словно пытаясь восстановить в памяти прошлую ночь. Но перед ним словно возникла стена. Неужели он потерял голову? – Я даю тебе слово больше не пытаться обольстить тебя в течение действия нашего соглашения. Не говоря уже ни о каком насилии. – Он поколебался и протянул руку, чтобы привлечь ее к себе, но осмелился лишь прикоснуться к ней. – Пожалуйста, прости меня.

И Джулиан вышел из ее спальни, чувствуя, что вряд ли мог уронить себя в ее глазах больше, чем уже уронил в своих собственных.

Следующие два дня могли бы быть лучшими днями в жизни Софи. Наконец-то ее медовый месяц стал таким, каким она рисовала его в своих мечтах. Джулиан был добр, задумчив и бесконечно нежен. Он относился к ней, точно она была редким и бесценным произведением из фарфора. Молчаливая чувственная угроза, витавшая в атмосфере пролетевших дней, наконец исчезла.

Она не могла утверждать, что больше не видела желания во взгляде Джулиана, оно было, но тщательно скрывалось, и Софи больше не боялась, что пламя страсти вырвется из-под контроля. Наконец она получила ту передышку, которую хотела получить перед свадьбой.

Но вместо того чтобы успокоиться и наслаждаться жизнью, Софи чувствовала себя совершенно несчастной. Два дня она боролась с ощущением вины, пытаясь убедить себя, что поступила правильно, выбрав единственно верное в сложившихся обстоятельствах решение. У нее так мало прав, что она вынуждена была использовать средства, оказавшиеся под рукой.

Но свойственная ей честность не позволяла успокоить себя подобными объяснениями. На третье утро после фиктивной брачной ночи она поняла, что ни дня больше не выдержит, не говоря уже о трех месяцах.

Никогда прежде Софи не чувствовала себя так скверно. Самобичевание Джулиана давило на нее тяжелым грузом, и она была не в силах его вынести. Совершенно очевидно, он ругал себя за то, чего не делал. Но поскольку он не совершил ничего дурного, Софи чувствовала себя намного хуже, чем если бы он действительно сделал что-то плохое.

Она допила чай, принесенный горничной, со стуком опустила чашку на блюдце и отбросила одеяло.

– Какой прекрасный день, мадам. Вы поедете кататься верхом после завтрака?

– Да, Мэри. И пожалуйста, пошли кого-нибудь спросить лорда Рейвенвуда, не присоединится ли он ко мне.

– О, разве можно сомневаться в том, что его светлость поедет с вами? – весело засмеялась Мэри. – Он примет любое ваше приглашение, он поспешит даже в Америку, если вы его попросите. Мы все просто не нарадуемся.

– А что особенное происходит?

– Мы видим, как он стелется перед вами, стараясь угодить… Никогда его таким не знали. Его светлость должны быть благодарны судьбе за то, что нашли себе такую жену, совсем не похожую на ту ведьму, на которой он был женат в первый раз.

– Мэри!

– Извините, мэм, но вы не хуже меня знаете… Это же не секрет. Она была просто ненормальная… Так коричневый или синий костюм для верховой езды, мадам?

– Новый коричневый, Мэри. И довольно о первой леди Рейвенвуд. – Софи сказала это с должной твердостью. Она ничего не хотела сегодня слышать о своей предшественнице. Вина, приносившая ей столько страданий, внушала опасения, что граф, узнав правду, решит, что она кое в чем похожа на его первую жену.

Часом позже Софи спустилась в холл, где ее уже ждал Джулиан. Он был одет в элегантный костюм для верховой езды: облегающие светлые бриджи, сапоги до колен, сюртук подчеркивали скрытую силу его тела.

Джулиан улыбнулся, увидев на лестнице Софи. В руке он держал маленькую корзинку.

– Я велел повару упаковать нам ленч в надежде, что мы поедем осмотреть руины старого замка на холме за рекой. Как вам мое предложение, дорогая? – С этими словами он подошел к Софи и подал ей руку.

– Вы очень внимательны, милорд, – застенчиво отозвалась Софи, стараясь удержать на лице улыбку. Его страстное желание угодить ей трогало и в то же время заставляло страдать еще сильнее.

– Может быть, ваша горничная поднимется наверх и выберет ваши любимые книги? Я выдержал бы любую, кроме Уоллстоункрафт. Я сам взял из своей библиотеки кое-что. Кто знает, если будет солнце, мы могли бы посидеть под деревьями, почитать.

Сердце Софи дрогнуло.

– Хорошо, милорд. – Но потом она вернулась к реальности. Вряд ли у него будет настроение сидеть и читать в тени под деревьями, после того как он услышит ужасную правду.

Джулиан вывел ее из дома под яркие лучи весеннего солнца. Две оседланные лошади ждали их – гнедой мерин и Ангел. Конюхи стояли рядом. Джулиан внимательно наблюдал за Софи и, обвив рукой ее талию, подсадил ее в седло. Его напряженное лицо расслабилось, когда он заметил, что она не вздрогнула от его прикосновения.

– Я очень рад, что вы решили сегодня покататься верхом, – сказал Джулиан, вскочив в седло и взявшись за поводья. – В последние два дня мне очень не хватало наших утренних прогулок. – Он бросил на нее быстрый взгляд. – Вы уверены, что хорошо себя чувствуете в седле?

Она покраснела и пустила своего мерина рысью.

– Вполне, Джулиан.

«До тех пор я буду вполне хорошо себя чувствовать, пока не найду мужества рассказать тебе правду, а потом мне будет очень плохо, – добавила она про себя и подумала: – Не побьет ли он меня?»

Часом позже они остановились возле руин старого нормандского замка, некогда бывшего сторожевой крепостью над рекой. Джулиан спешился, подошел к мерину Софи. Он нежно помог жене спуститься на землю, а когда ее ноги коснулись почвы, он не сразу отнял руки.

– Что-то не так, милорд?

– Нет. – Он насмешливо улыбнулся. – Все хорошо.

Он убрал руку с ее талии и заботливо поправил плюмаж на ее маленькой бархатной шляпке, который, как всегда, был в беспорядке и свисал под привычным опасным углом.

Софи вздохнула:

– Да, постоянные недочеты в моем туалете были одной из причин, по которой я провалилась на брачном базаре в Лондоне. Как бы горничная ни старалась привести в порядок мои волосы и одежду, я всегда умудрялась появиться на балу или в театре в таком виде, будто по мне проехал экипаж. Наверное, я предпочла бы жить в более непритязательные времена, когда люди носили меньше одежды и ее не надо было содержать в таком порядке.

– Я ничего не имею против того, чтобы жить с тобой в наше время. – Улыбка Джулиана стала еще шире. В его освещенных солнцем зеленых глазах искрился смех. – И чем меньше на тебе одежды, тем лучше ты выглядишь.

Софи почувствовала, что снова краснеет, и, отшатнувшись от него, направилась к груде камней, оставшихся от старого замка. В другое время Софи нашла бы эти руины живописными. Сегодня же с трудом заставляла себя сосредоточиться на них.

– Прекрасный вид, не правда ли? Он напоминает мне старый замок на земле Рейвенвудского аббатства. Мне надо было привезти с собой альбом.

– Я вовсе не хотел смутить вас или нарушить ваш покой, мадам, – тихо проговорил Джулиан, подходя к ней сзади. – Или испугать напоминанием о той ужасной ночи. Я просто хотел немного пошутить. – Он коснулся ее плеча. – Прошу прощения.

Софи закрыла глаза:

– Ты не испугал меня.

– Каждый раз, когда ты уходишь от меня, я начинаю беспокоиться, что ты боишься.

– Джулиан, прекрати, прекрати немедленно. Я тебя не боюсь.

– Не обманывай, малышка, – нежно убеждал он ее. – Я просто волнуюсь, что твое мнение обо мне не скоро изменится.

– О, Джулиан, если ты еще хоть раз извинишься, я закричу! – Она отступила от него, не осмеливаясь оглянуться.

– Софи, что за ерунда? Что сейчас не так? Мне жаль, что ты не желаешь слышать мои извинения. Но у меня нет другого достойного способа, кроме как попытаться тебя убедить, что мое раскаяние искренне.

Все, что она могла сделать, – это не разрыдаться.

– Ты не понимаешь, – с несчастным видом проговорила Софи. – Я не хочу больше слышать твоих извинений, потому что… потому что в них…

Наступила короткая пауза, прежде чем Джулиан тихо сказал:

– Ты вовсе не обязана пытаться облегчить мою участь.

Она обеими руками вцепилась в плетку.

– Я не пытаюсь облегчить. Я просто пытаюсь объяснить тебе некоторые детали. Дело в том, что я намеренно ввела тебя в заблуждение.

Снова молчание.

– Я не понимаю. Что ты имеешь в виду, Софи? Что мое поведение ночью было не столь плохим, как мне кажется? Ну, пожалуйста, не беспокойся. Мы оба знаем правду.

– Нет, Джулиан. Ты не знаешь правду. Ее знаю только я. И должна кое в чем признаться, но боюсь, что ты очень разозлишься.

– Но не на тебя. Я никогда не смогу разозлиться на тебя.

– О, молю Бога, чтобы ты помнил об этом, хотя здравый смысл подсказывает мне, что ты забудешь свое обещание. – Она собрала все мужество, не осмеливаясь обернуться и прямо посмотреть ему в глаза. – Причина, по которой ты не должен извиняться за свое якобы постыдное поведение, в том, что ты ничего плохого не сделал…

– Что?!

Софи, закрывая лицо рукой в перчатке, задела шляпку, и плюмаж снова съехал набок.

– То есть ничего не произошло, хотя ты думаешь, что произошло.

Тишина за ее спиной стала оглушающей. И тут Джулиан снова заговорил:

– Софи, черт побери! Но ведь было так много крови!

И она бросилась объяснять, пока мужество совсем не оставило ее:

– Но со своей стороны я должна вам указать, что вы пытались нарушить суть нашего соглашения. Я очень нервничала и злилась… Надеюсь, вы примете это во внимание, милорд: вы из тех людей, которые способны понять, что такое гнев.

– К черту, Софи! О чем ты говоришь? – Голос Джулиана стал слишком тихим.

– Я пытаюсь, милорд, объяснить, что вы вовсе не терзали меня в ту ночь. Вы просто заснули.

Наконец Софи медленно повернулась и посмотрела на него. Он стоял рядом. Ноги в блестящих ботфортах расставлены, в руке – плетка. Его изумрудный взгляд был холоднее, чем царство Аида.

– Разве я заснул?

Софи быстро кивнула, напряженно глядя мимо его плеча:

– Я добавила в чай кое-каких трав. Я же говорила, что есть более эффективные средства от бессонницы, чем портвейн.

– Помню, – вымолвил он ужасно тихо. – Но ты ведь тоже пила чай.

Она покачала головой:

– Я просто притворилась, что пью. Вы были слишком заняты, ругая книгу мисс Уоллстоункрафт, поэтому вообще не замечали, что я делаю.

Он сделал к ней шаг. Плетка болталась у его ног.

– Дьявольщина! Но ведь доказательство было на простыне! Пятно.

– Это травы. После того как вы заснули, я добавила их в чай, чтобы добиться красноватого цвета. Только я не знала, сколько надо лить жидкости на постель, и так волновалась, что пролила слишком много, и пятно на постели получилось больше, чем задумывалось.

– Ты пролила чай с травой?.. – медленно повторил он.

– Да, милорд.

– И таким образом я убедился, что жестоко набросился на тебя.

– Да, милорд.

– И ты утверждаешь, что той ночью ничего не произошло? Вообще ничего?

Что-то внутри Софи всколыхнулось.

– Да ведь вы же пытались соблазнить меня, несмотря на мои протесты и просьбы не обольщать меня. И вы все равно пришли ко мне в спальню, не слушая моих возражений, и я очень испугалась. Дело, разумеется, не в том, что ничего не случилось, – если вы понимаете, о чем я говорю, – а в том, что ничего не случилось, потому что я помешала этому. Ведь не только у вас есть характер, Джулиан!

– Так ты меня опоила?! – В его голосе прозвучали недоверие и ярость.

– Но это было легкое снотворное, милорд.

Плетка Джулиана хлестнула по кожаному верху сапога, прервав ее объяснения. Глаза Джулиана зажглись, точно зеленые изумруды.

– Ты опоила меня одним из своих проклятых составов и устроила декорации, чтобы я подумал, что взял тебя силой.

По сути, ей нечего было возразить в ответ на такое заявление. Софи опустила голову. Она стояла уставившись в землю, плюмаж болтался перед глазами.

– Да, я полагаю, именно так вы можете относиться к случившемуся, милорд. Но я никогда не собиралась заставить вас думать, что вы, что… вы сделали мне больно. Я только хотела, чтобы вы думали, что добились, чего хотели… выполнили свою обязанность. Мне казалось, вас очень беспокоило то, что вы еще не воспользовались правами мужа.

– И ты решила, что, однажды осуществив свои права, я оставлю тебя в покое на следующие несколько месяцев?

– Я надеялась, что на какое-то время вы удовлетворитесь. И после этого согласитесь со сроком нашего договора.

– Софи, если ты еще хоть раз упомянешь соглашение, я задушу тебя. По крайней мере я испробую на твоей спине свою плетку.

Она смело шагнула вперед:

– Я готова к вашему насилию, милорд. Хорошо известно, что у вас дьявольский характер.

– Неужели? Но тогда я удивлен, как ты осмелилась сделать свое великое признание наедине? На несколько миль вокруг никого, кто мог бы услышать крики о помощи, если бы я захотел наказать тебя.

– Я решила, что было бы неправильно вовлекать окружающих в наши отношения, – прошептала она.

– Ох как благородно, моя дорогая. Ты простишь меня, если я не поверю, что женщина, способная опоить мужа, будет настолько обеспокоена мнением слуг? – Его глаза сощурились. – Боже мой, что же они подумали, меняя постельное белье на следующее утро?

– Я объяснила Мэри, что пролила чай.

– Другими словами, один я поверил, что совершил грубое насилие над тобой. Так-так, очень интересно.

– Прости, Джулиан. Я приношу свои искренние извинения. Ради оправдания я еще раз напоминаю, что очень испугалась и разозлилась. Я уже думала, что у нас все так хорошо складывается, что мы все лучше узнаем друг друга… А ты вдруг со своими угрозами…

– Мысль о том, чтобы заняться любовью, страшит тебя настолько, что ты готова зайти так далеко? Черт побери, Софи, ты же не девочка, ты зрелая женщина и прекрасно понимаешь, зачем я на тебе женился.

– Я уже объяснила, что не боюсь самого действа, – призналась она с горячностью. – Просто я хочу, чтобы у нас было время узнать друг друга. Нам необходимо время, чтобы научиться понимать друг друга как муж и жена. Я не желаю превращаться в племенную кобылу для твоих прихотей, а затем возвращаться на сельское пастбище. Согласись, что именно это, и только это, ты имел в виду, когда женился на мне.

– Ни с чем не соглашусь. – Он еще раз стегнул кнутом по сапогу. – Насколько я знаю, ты сама нарушила наш договор. Мои требования просты, и их мало. И одно из них, если помнишь, – чтобы ты никогда не лгала.

– Джулиан, я не лгала тебе. Скорее, я ввела тебя в заблуждение. Ты должен понять, что я…

– Ты лгала мне, – грубо прервал он. – И если бы я не мучил себя виной в последние дни, я бы сразу догадался. Ведь все признаки были налицо. Ты не могла встречаться со мной взглядом. И если бы я не думал, что ты просто не выносишь одного моего вида, то сразу бы понял, что ты меня обманываешь.

– Извини, Джулиан. Мне очень жаль.

– Ты еще больше будешь сожалеть, когда мы с этим покончим. Я не твой дедушка, который готов глупо потакать тебе во всем, и пора это понять. Я надеялся, что ты достаточно умна, чтобы понять все самой. Но видимо, нужен наглядный урок.

– Джулиан!

– Садись на свою лошадь, Софи.

Софи колебалась.

– Что ты собираешься делать?

– Когда все решу, тогда и скажу. А пока тебе полезно пострадать и поволноваться в ожидании моего решения.

Софи побрела к мерину.

– Я понимаю, что ты в ярости, Джулиан. И может быть, я этого заслуживаю. Но я действительно хочу услышать, как ты собираешься наказать меня. Я же не выдержу этой неизвестности.

Джулиан взял ее сзади за талию так внезапно, что она вздрогнула. Он поднял ее в седло, затем постоял минуту, глядя на нее с холодной яростью.

– Если вы собираетесь устраивать такие трюки со своим мужем, мадам жена, вам лучше сразу научиться жить в ожидании наказания. Я отомщу, Софи. Можешь не сомневаться. Я не собираюсь позволить тебе стать такой же сумасбродной потаскухой, как моя первая жена.

Прежде чем она смогла что-то ответить, он отвернулся и вскочил на своего Ангела. И, не говоря ни слова, галопом понесся к дому, оставив Софи далеко позади.

Она приехала через полчаса после Джулиана и с удивлением обнаружила, что веселый жужжащий дом, каким он был несколько последних дней, изменился как по мановению волшебной палочки. Эслингтон-Парк стал угрюмым и тихим.

Дворецкий печально посмотрел на Софи, когда она с несчастным видом вошла в прихожую.

– Мы беспокоились о вас, миледи.

– Спасибо, Тайсон. Как видите, со мной ничего не случилось. А где лорд Рейвенвуд?

– В библиотеке, миледи. Он дал указание, чтобы его не беспокоили.

– Понятно.

Софи медленно пошла к лестнице, тревожно оглядываясь на угрожающе закрытую дверь библиотеки. Поколебавшись, приподняла юбки костюма для верховой езды и побежала вверх, стараясь избежать озабоченных взглядов слуг.

Джулиан появился к ужину, чтобы объявить о своем решении.

Когда он с непримиримо тяжелым взглядом сел за стол, Софи поняла, что он обдумывал свою месть за бутылкой кларета.

Непроницаемое молчание воцарилось в столовой. Софи казалось, что все фигуры на медальонах на потолке укоряюще смотрели на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kvik_amanda/obol-schenie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить